

Русские
**ЗАВЕТНЫЕ
СКАЗКИ**

Сборник
А. П. Афанасьева

Александр Николаевич Афанасьев

Русские заветные сказки

«Русские заветные сказки» А.Н.Афанасьева были напечатаны в Женеве более ста лет назад. Они появились без имени издателя, sine anno. На титульном листе, под названием, было лишь указано: «Валаам. Типарским художеством монашествующей братии. Год мракобесия». А на контртителе была пометка: «Отпечатано единственно для археологов и библиофилов в небольшом количестве экземпляров».

Исключительно редкая уже в прошлом веке, книга Афанасьева в наши дни стала почти что фантомом. Судя по трудам советских фольклористов, в спецотделах крупнейших библиотек Ленинграда и Москвы сохранилось всего лишь два-три экземпляра «Заветных сказок». Рукопись книги Афанасьева находится в ленинградском Институте русской литературы АН СССР («Народные русские сказки не для печати», Архив, № Р-1, опись 1, № 112). Единственный экземпляр «Сказок», принадлежавший парижской Национальной библиотеке, исчез еще до первой мировой войны. Книга не значится и в каталогах библиотеки Британского музея.

Переиздавая «Заветные сказки» Афанасьева, мы надеемся познакомить западного и русского читателя с ма-

доизвестной гранью русского воображения — «соромными», непристойными сказками, в которых, по выражению фольклориста, «бьет живым ключом неподдельная народная речь, сверкая всеми блестящими и остроумными сторонами простолюдина».

Содержание

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ	0008
ПРЕДИСЛОВИЕ А.Н.АФАНАСЬЕВ А КО 2-му ИЗДАНИЮ	0012
Нет	0018
Стыдливая барыня	0021
Купеческая жена и приказчик	0024
Две жены	0027
По-собачьи	0030
Тетерев	0032
Женитьба дурня	0034
Посев х...ев	0044
Дурень	0051
Пастух	0053
Чудесная дудка	0057
Чудесная мазь	0062
Волшебное кольцо	0067
Мужики и барин	0078
Добрый отец	0081
Невеста без головы	0083
Боязливая невеста	0091
Никола Дуплянский	0097
Муж на яйцах	0099
Мужик за бабьей работой	0102
Семейные разговоры	0106
Странные имена	0108

Солдат решетит	0111
Солдат сам спит, а х...й работает	0113
Солдат и черт	0114
Беглый солдат	0115
Солдат, мужик и баба	0116
Солдат и хохлушка	0118
Солдат и хохол	0120
Мужик и черт	0122
Солдат и поп	0124
Жидовка	0126
Охотник и леший	0127
Хитрая баба	0129
Битье об заклад	0134
Архиерейский ответ	0138
Смех и горе	0140
Добрый поп	0146
Поп ржет, как жеребец	0148
Поповская семья и батрак	0155
Поп и батрак	0159
Поп, попадья, поповна и батрак	0167
Поп и мужик	0172
Поросенок	0176
Суд о коровах	0179
Похороны кобеля	0185
Жадный поп	0188
Сказка о том, как поп родил теленка	0191
Духовный отец	0196
Поп и цыган	0197

Загони тепла	0201
Жена слепого	0204
Поп и западня	0206
Старческий стих	0207
Прибаутки	0208
Худо — не худо	0210
Первое знакомство жениха с невестой	0211
Два брата — жениха	0214
Догадливая хозяйка	0222
Бабы увертки	0224
Болтливая жена	0231
Теща и зять-дурень	0233
Чесалка	0234
Щучья голова	0240
Мужик, медведь, лиса и слепень	0245
Кот и лиса	0247
Лиса и заяц	0248
Вошь и блоха	0251
Медведь и баба	0252
Воробей и кобыла	0254
Собака и дятел	0257
Волк	0259
Горячий кляп	0261
П...да и жопа	0263
Мой жопу	0264
Каков я!	0265
Раззадоренная барыня	0270

**РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ
СКАЗКИ**
**Собранные А.Н.
Афанасьевым**

*«Что за стыдно? Украсть — стыдно, а
сказать — ничего, все можно».
(«Странные имена»)*

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ[1]

«Русские заветные сказки» А.Н.Афанасьева были напечатаны в Женеве более ста лет назад. Они появились без имени издателя, sine anno. На титульном листе, под названием, было лишь указано: «Валаам. Типарским художеством монашествующей братии. Год мракобесия». А на контртителе была пометка: «Отпечатано единственно для археологов и библиофилов в небольшом количестве экземпляров».

Исключительно редкая уже в прошлом веке, книга Афанасьева в наши дни стала почти что фантомом. Судя по трудам советских фольклористов, в спецотделах крупнейших библиотек Ленинграда и Москвы сохранилось всего лишь два-три экземпляра «Заветных сказок». Рукопись книги Афанасьева находится в ленинградском Институте русской литературы АН СССР («Народные русские сказки не для печати», Архив, № Р-1, опись 1, № 112). Единственный экземпляр «Сказок»,

принадлежавший парижской Национальной библиотеке, исчез еще до первой мировой войны. Книга не значится и в каталогах библиотеки Британского музея.

Переиздавая «Заветные сказки» Афанасьева, мы надеемся познакомить западного и русского читателя с малоизвестной гранью русского воображения — «соромными», непристойными сказками, в которых, по выражению фольклориста, «бьет живым ключом неподдельная народная речь, сверкая всеми блестящими и остроумными сторонами простолюдина».

Непристойными? Афанасьев их такими не считал. «Никак не могут понять, — говорил он, — что в этих народных рассказах в миллион раз больше нравственности, чем в проповедях, преисполненных школьной риторики».

«Русские заветные сказки» органически связаны со сборником сказок Афанасьева, ставшим классическим. Сказки нескромного содержания, как и сказки известного сборника, были доставлены Афанасьеву теми же собирателями-вкладчиками: В.И.Далем,

П.И.Якушкиным, воронежским краеведом Н.И.Второвым. И в том и в другом сборнике находим те же темы, мотивы, сюжеты, с той лишь разницей, что сатирические стрелы «Заветных сказок» более ядовиты, а язык местами довольно груб. Есть даже случай, когда первая, вполне «пристойная» половина рассказа помещена в классическом сборнике, другая же, менее скромная, — в «Заветных сказках». Речь идет о рассказе «Мужик, медведь, лиса и слепень».

Нет необходимости подробно останавливаться на том, почему Афанасьев, печатая «Народные русские сказки» (вып. 1–8, 1855–1863), был вынужден отказаться от включения той части, которая десятилетие спустя выйдет под названием «Народные русские сказки не для печати» (эпитет «заветные» фигурирует лишь в названии второго, последнего издания «Сказок»). Советский ученый В.П.Аникин так объясняет этот отказ: «Антипоповские и антибарские сказки напечатать было невозможно в России». А возможно ли издать — в неурезанном и неподчищенном виде — «Заветные сказки» на ро-

дине Афанасьева сегодня? На это у В.П.Аникина ответа не находим.

Открытым остается вопрос, каким образом нескромные сказки попали за границу. Марк Азадовский предполагает, что летом 1860 года, во время своей поездки в Западную Европу, Афанасьев передал их Герцену или другому эмигранту. Не исключена возможность, что издатель «Колокола» способствовал выходу «Сказок». Последующие поиски, быть может, помогут осветить историю публикации «Русских заветных сказок» — книги, споткнувшейся о препоны не только царской, но и советской цензуры.

Арт. РУ 1975, февраль.

ПРЕДИСЛОВИЕ А.Н.АФАНАСЬЕВ А КО 2-му ИЗДАНИЮ

«Honny soit, qui mal y pense»[2]

Издание наших заветных сказок... едва ли не единственное в своем роде явление. Легко может быть, что именно поэтому наше издание даст повод ко всякого рода нареканиям и возгласам не только против дерзкого издателя, но и против народа, создавшего такие сказки, в которых народная фантазия в ярких картинах и нисколько не стесняясь выражениями развернула всю силу и все богатство своего юмора. Оставляя в стороне все могущие быть нарекания собственно по отношению к нам, мы должны сказать, что всякий возглас против народа был бы не только несправедливостью, но и выражением полнейшего невежества, которое по большей части, кстати сказать, составляет одно из неотъемлемых свойств кричащей pruderie[3]. Наши заветные сказки — единственное в своем роде яв-

ление, как мы сказали, особенно потому, что мы не знаем другого издания, в котором бы в сказочной форме была таким живым ключом неподдельная народная речь, сверкая всеми блестящими и остроумными сторонами простолюдина.

Литературы других народов представляют много подобных же заветных рассказов и давным-давно уже опередили нас и в этом отношении. Если не в виде сказок, то в виде песен, разговоров, новелл, farces, sottises, moralites, dictons[4] и т. п. другие народы обладают огромным количеством произведений, в которых народный ум, так же мало стесняясь выражениями и картинами, пометил юмором, зацепил сатирой и выставил резко на посмеяние разные стороны жизни. Кто сомневается в том, что игривые рассказы Боккаччо не почерпнуты из народной жизни, что бесчисленные французские новеллы и faceties[5] XV, XVI и XVII веков — не из того же источника, что и сатирические произведения испанцев, Spottliede и Schmahschriften[6] немцев, эта масса пасквилей и разных летучих листков на всех языках, являвшихся по поводу всевоз-

можных событий частной и общественной жизни, — не народные произведения? В русской литературе, правда, до сих пор есть еще целый отдел народных выражений непечатных, не для печати. В литературах других народов издавна таких преград народной речи не существует.

...Итак, обвинение русского народа в грубом цинизме равнялось бы обвинению в том же и всех других народов, другими словами, само собой сводится к нулю. Эротическое содержание заветных русских сказок, не говоря ничего за или против нравственности русского народа, указывает просто только на ту сторону жизни, которая больше всего дает разгула юмору, сатире и иронии. Сказки наши передаются в том безыскусственном виде, как они вышли из уст народа и записаны со слов рассказчиков. Это-то и составляет их особенность: в них ничего не тронуто, нет ни прикрас, ни прибавок. Мы не будем распространяться о том, что в разных полосах широкой Руси одна и та же сказка рассказывается иначе. Вариантов таких, конечно, много, и большая часть их, без сомнения, переходит из уст

в уста, не будучи еще ни подслушана, ни записана собирателями. Приводимые нами варианты взяты из числа наиболее известных или наиболее характеристичных почему-либо.

Заметим... что та часть сказок, где действующие лица животные, как нельзя более рисует всю сметливость и всю силу наблюдательности нашего простолюдина. Вдали от городов, работая в поле, лесу, на реке, он везде глубоко понимает любимую им природу, верно подсматривает и тонко изучает окружающую его жизнь. Живо схваченные стороны этой немой, но красноречивой для него жизни сами собой переносятся на его братьев — и полный жизни и светлого юмора рассказ готов. Отдел сказок о так называемой народом «жеребьячьей породе», из которых пока мы приводим только небольшую часть, ярко освещает и отношение нашего мужичка к своим духовным пастырям, и верное понимание их.

Любопытны наши заветные сказки помимо многих сторон и в следующем отношении. Важному ученому, глубокомысленному ис-

следователю русской народности они дают обширное поле для сравнения содержания некоторых из них с рассказами почти такого же содержания иностранных писателей, с произведениями других народов. Каким путем проникли в русские захолустья рассказы Боккаччо (см., например, сказку «Купеческая жена и приказчик»), сатиры и фарсы французов XVI столетия, как переродилась западная новелла в русскую сказку, в чем их общественная сторона, где и, пожалуй, даже с чьей стороны следы влияния, какого рода сомнения и заключения из очевидности подобного тождества и т. д. и т. д.

Предоставляя решение всех этих и иных вопросов нашим патентованным ученым, мы и без того надеемся, что наши читатели помнут добрым словом труды почтенных собирателей этих сказок. Мы же со своей стороны, издавая это редкое собрание с целью спасти его от гибели, равно чужды, смеем думать, как хвалы, так и порицаний.

Таким образом, не принимая лицемерно ученой наружности, книга наша является случайным и простым сборником той сторо-

ны русского народного юмора, которому до сих пор не было места в печати. При диких условиях русской цензуры, ее кривом понимании нравственности и морали книга наша тихо печаталась в той отдаленной от тревожных световых обителей, куда еще не проникала святотатственная рука какого бы то ни было цензора. Мы не можем при этом не высказать одного из наших задушевных желаний: да последуют и другие тихие уголки нашей отчизны примеру нашей обители. Пусть разовьется в них чуждое всякой цензуры, благородное искусство книгопечатания — и да выйдут из рук трудящейся братии, сойдут с заветных станков их[7] всякое свободное слово, всякая заветная речь, к какой бы стороне русской жизни ни относились они...

Филобибл[8].

Нет

Жил-был старый барин, у него была жена и молода, и собой хороша. Случилось этому барину куда-то уехать далеко; он и боится, как бы жена его не стала с кем блядовать, и говорит:

— Послушай, милая! Теперь я уезжаю надолго от тебя, так ты никаких господ не принимай к себе, чтоб они тебя не смутили, а лучше вот что: кто бы тебе и что бы тебе ни сказывал — отвечай все нет да нет.

Уехал муж, а барыня пошла гулять в сад. Ходит себе по Иду, а мимо на ту пору проезжал офицер. Увидал барыню такую славную и стал ее спрашивать:

— Скажите, пожалуйста, какая это деревня?

Она ему отвечает:

— Нет!

«Что бы это значило, — думает офицер, — о чем ее ни просишь — она все нет да нет». Только офицер не будь промах.

— Ежели, — говорит, — я слезу с лошади да привяжу ее к забору — ничего за это не будет?

А барыня:

— Нет.

— А если взойду[9] к вам в сад — вы не рассердитесь?

— Нет!

Он вошел в сад.

— А если я с вами стану гулять — вы не прогневаетесь?

— Нет!

Он пошел рядом с нею.

— А если возьму вас за ручку — не будет вам досадно?

— Нет!

Он взял ее за руку.

— А если поведу вас в беседку — и это ничего?

— Нет!

Он привел ее в беседку.

— А если я вас положу и сам с вами лягу — вы не станете противиться?

— Нет!

Офицер положил ее и говорит:

— А если я вам да заворочу подол — вы, конечно, не будете сердиться?

— Нет!

Он заворотил ей подол, поднял ноги покрывало и спрашивает:

— А если я вас да стану есть[10] — вам не будет неприятно?

— Нет!

Тут он отработал ее порядком, слез с нее, полежал да опять спрашивает:

— Вы теперь довольны?

— Нет!

— Ну когда нет, надо еще есть! Отзудил еще раз и спрашивает:

— А теперь довольны?

— Нет!

Он плюнул и уехал, а барыня встала и пошла в хоромы. Вот воротился домой барин и говорит жене:

— Ну что, у тебя все благополучно?

— Нет!

— Да что же? Не по...б ли тебя кто?

— Нет!

Что ни спросит, она все нет да нет. Барин и сам не рад, что научил ее.

Стыдливая барыня

Жила-жила молодая барыня, много перебывало у нее лакеев, и все казались ей похабными, и она прогоняла их от себя. Вот один молодец и сказал: «Дай-ка я пойду к ней наймусь!» Пришел наниматься.

— Смотри, голубчик! — говорит барыня, — я не пожалею денег, только с тем условием, чтобы ты не говорил ничего похабного!

— Как можно говорить похабное!

В одно время поехала барыня в свою вотчину, стала подъезжать к деревне, смотрит: ходит стадо свиней, и один боров взлез на свинью, и так его с той работы припирало, что изо рта пена клубом валит.

Барыня и спрашивает лакея:

— Послушай!

— Чего изволите, сударыня?

— Что это такое?

Лакей был не промах.

— А это, — говорит, — вот что: под низом, должно быть, какая-нибудь родня — сестра или тетка, а наверху-то брат или племянник; он крепко нездоров, вот она и тащит его до-

мой на себе.

— Да-да, это точно так! — сказала барыня и засмеялась.

Ехали-ехали, ходит другое стадо, и один бык взлез на корову.

— Ну, а это что такое? — спросила барыня.

— А это вот что: у коровы-то сила плохая и прокормиться не сможет, кругом себя корм объела и траву общипала, вот бык попихивает ее на свежую травку.

Барыня опять засмеялась:

— Это точно так!

Ехали-ехали, ходит табун лошадей, и один жеребец взлез на кобылу.

— А это что такое?

— А вон, сударыня, извольте видеть, вон за лесом-то дым, должно быть, горит что-нибудь, так жеребец и взлез на кобылу пожар поглядеть.

— Да-да, это правда! — сказала барыня, а сама-то смеется, так и заливается.

Опять ехали-ехали и приехали к реке. Барыня и вздумала купаться, велела остановиться и начала раздеваться, да и полезла в воду. А лакей стоит да смотрит.

— Если хочешь со мною купаться — разделись скорее!

Лакей разделся и полез купаться. Она увидела у него тот струмент, которым делают живых людей, затряслась от радости и стала спрашивать:

— Посмотри, что это у меня?

А сама на дыру показывает.

— Это колодезь[11], — говорит лакей.

— Да, это правда! А у тебя это что такое висит?

— Это конь называется.

— А что, он у тебя пьет?

— Пьет, сударыня; нельзя ли попоить в вашем колодезе?

— Ну,пусти его; да чтоб он сверху напился, а глубоко его не пускай!

Лакей пустил своего коня к барыне и стал ее раззадоривать. Стало ее разбирать, стала она приказывать:

— Пущай его дальше, пущай его дальше, чтоб хорошенько напился!

Вот тут-то он натешился: насилу оба из воды вылезли.

Купеческая жена и приказчик[12]

Жил-был купец, старый хрыч, женился на молодой бабенке, а у него много было приказчиков. Старшего из приказчиков звали Потапом, детина он был видный, зачал [13] к хозяйке подбираться, шутить с нею всякие шуточки, так у них дело и сладилось. Стали люди примечать, стали купцу сказывать. Вот купец и говорит своей жене:

— Послушай, душенька, что люди-то говорят. Будто ты с приказчиком Потапом живешь...

— Что ты, Бог с тобой, соглашусь ли я! Не верь людям, верь своим глазам!

— Говорят, что он к тебе давно подбирался! Нельзя ли как-нибудь испытать его?

— Ну что же, — говорит жена, — послушай меня. Нарядись в мое платье и пойдешь к нему в сад — знаешь, где он спит, да потихонечку шепотом и скажи: я-де к тебе от мужа пришла! Вот и посмотришь тогда, каков он есть.

— Ладно, — сказал купец.

А купчиха улучила время и научила приказчика: как придет муж, хорошенько его поколотить, чтобы он, подлец, долго помнил! Дождался купец ночи, нарядился в женино платье с ног до головы и пошел в сад к приказчику.

— Кто это? — спрашивает приказчик.

Купец отвечает шепотом:

— Я, душенька!

— Зачем?

— От мужа ушла да к тебе пришла.

— Ах ты, подлая, и то про меня говорят, что я к тебе хожу, а ты, блядь, хочешь, чтоб я совсем опостылел хозяину!

И давай колотить купца по шее, по спине да в поволочку[14]:

— Не ходи, мерзавка, не срами меня, я ни за что не соглашусь на такие пакости!

Кое-как купец вырвался, прибежал к жене и говорит:

— Нет, милая, теперь никому в свете не поверю, что ты живешь с приказчиком. Как принялся он меня ругать, срамить да бить — насилиу ушел!

— Вот видишь, а ты всякому веришь! —

сказала купчиха и с того времени стала жить с приказчиком без всякого страха.

Две жены

Жили-были два купца, оба женатые, и жили они промеж себя дружно и любовно. Вот один купец и говорит:

— Послушай, брат! Давай сделаем пробу, чья жена лучше мужа любит.

— Давай; да как пробу-то сделать?

— А вот как: соберемся-ка да поедем на Макарьевскую ярмарку[15], и которая жена лучше станет плакать, та больше и мужа любит.

Вот собрались в путь, стали их провожать жены: одна плачет, так и разливается, а другая прощается и сама смеется. Поехали купцы на ярмарку, отъехали эдак верст пятьдесят и разговорилась между собой.

— Ишь, как тебя жена-то любит, — говорит один, — как она плакала-то на прощанье; а моя стала прощаться — а сама смеяться!

А другой говорит:

— Вот что, брат! Теперь жены нас проводили, воротимся-ка назад, таким образом да посмотрим, что наши жены без нас делают.

— Хорошо!

Воротились к ночи и вошли в юрод пешие;

походили наперед к избе того купца, у которого жена на прощанье громко плакала; смотрят в окошко: она сидит себе с любовником и гуляет. Любовник наливает стакан водки, сам выпивает и ей подносит:

— На, милая, выпей!

Она выпила и говорит:

— Друг ты мой любезный! Теперь я твоя.

— Вот какие пустяки: вся моя! Что-нибудь есть и мужнино!

Она оборотилась к нему жопой и говорит:

— Вот ему, блядскому сыну, — одна жопа!

Потом пошли купцы к той жене, которая не плакала, а смеялась; пришли под окошко и смотрят: перед иконами горит лампадка, а она стоит на коленях, усердно молится да приговаривает: «Подаждь, Господи, моему сожителю в пути всякого возвращения!»

— Ну вот, — говорит один купец другому, — теперь поедем торговать.

Поехали на ярмарку и торговали очень хорошо: такая задача[16] в торговле была, какой никогда не бывало!

Пора уж и домой; стали собираться назад и вздумали купить своим женам по гостинцу.

Один купец, у которого жена Богу молилась, купил ей славной парчи на шубку, а другой купил жене парчи только на одну жопу:

— Вить моя одна жопа! Так только мне пол-аршина и надобно: я свою жопу не хочу паскудить!

Приехали и отдали женам гостинцы.

— Что ж ты купил эдакой лоскут? — говорит жена с сердцем.

— А ты вспомни, блядь, как сидела ты с любовником и говорила, что моя только жопа; ну, я свою часть и снарядил! Нашей парчу на жопу да и носи.

По-собачьи

В некотором царстве жил-был дворянин, у него была дочь— красавица. Пошла она как-то погулять, а лакей идет за ней позади да думает: «Эка ловкая штука! Ничего б, кажись, не желал на свете, только б отработать ее хоть один разок, тогда б и помирать не страшно было!» Думал, думал, не вытерпел и сказал потихоньку:

— Ах, прекрасная барышня! Шаркнул бы тебя хоть по-собачьи!

Барышня услышала эти слова, и как воротилась домой, дождалась ночи и позвала к себе лакея.

— Признавайся, мерзавец, — говорит ему, — что ты говорил, как я гулять ходила?

— Виноват, сударыня! Так-то и так-то говорил.

— Ну, коли хотел, так и делай сейчас по-собачьи, не то все папеньке расскажу...

Вот барышня заворотила подол, стала посреди горницы раком и говорит лакею:

— Нагибайся да нюхай, как собаки делают! Холуй нагнулся и понюхал.

— Ну, теперича языком лизни, как собаки лизут!

Лакей лизнул раз, и два, и три раза.

— Ну, теперь бегай вокруг меня!

Начал он кругом барышни бегать: обежал разов десяток, да опять пришлось нюхать и лизать ей языком. Что делать? Морщится, да нюхает, плюет, да лижет!

— Ну, теперича на первый раз будет! — сказала барышня, — ступай ложись себе спать, а завтра вечером опять приходи.

На другой день вечером опять барышня позвала к себе лакея:

— Что ж ты, мерзавец, сам не идешь? Не всякий же день за тобой посылать; сам знай свое дело!

Сейчас заворотила свой подол и стала раком, а лакей стал ей под жопой нюхать и языком в п...де лизать: обежит кругом ее разов десять да опять понюхает да полижет. Эдак долгое время угощала его барышня, да потом сжалилась, легла на постель, заворотила подол спереди, дала ему разок поеть и простила всю вину. Лакей отработал да и думает: «Ну, ничего! Хоть и полизал, да свое взял».

Тетерев

Два дня ходил охотник по лесу — ничего не дубил; на третий день дал обещание: что ни убью, то прое...у! Пошел в лес, напал на тетерева и убил его. Ворочается[17] домой. Вот увидела из окна барыня, что идет охотник, несет тетерева, и позвала его к себе в горницу.

— Что стоит тетерев? — спрашивает барыня.

— Этот тетерев у меня не продажный, — говорит охотник, — а заветный.

— Какой же завет?

— Да как шел я на охоту, дал обещание: что ни убью, то и прое...у.

— Не знаю, как быть, — молвила барыня. — Хочется мне тетеревятники, дюже хочется! Видно, надо делу сбыться. Да мне со-вестно под тобою лежать...

— Ну, я лягу книзу, а ты, барыня, ложись сверху.

Так и сделали.

— Ну, мужик, отдавай тетерева.

— За что я отдам тебе тетерева? Ведь ты

меня е..., а не я тебя.

Барыне жалко упустить тетерева.

— Ну, — говорит, — полезай на меня!

Мужик и в другой раз отделал барыню.

— Давай тетерева.

— За что я отдам тебе? Мы только поквитались.

— Ну, полезай еще раз на меня, — говорит барыня. Влез охотник на барыню, отработал и в третий раз.

— Ну, давай же теперь!

Как ни жалко было охотнику, а делать нечего — отдал барыне тетерева и пошел домой.

Женитьба дурня[18]

Жил-был себе казак, у него была жинка[19] и еще был сын Грицько. Грицько ходил в степь за овцами. Вот дед с бабою взмолились:

— Старая! Надо нам Грицька женить.

— Женить, так женить! Послали за Грицьком. Приходит батрак да и говорит:

— Будь здоров, паноче! Батько тебя звал.

Пришел к дому, встречают его отец да мать:

— Будь здоров, сынку! Как себя чувствуешь?

— Слава Богу, тятка и мамка! Помаленьку. А что вы меня звали домой?

А отец говорит:

— Да вот я старый и мать твоя стара, так надо тебя женить.

— Не хочу! Пойду к себе в степь.

— погоди еще немного, мы посоветуемся с добрыми людьми, как они скажут.

— Ну хорошо!

Вот добрые люди посоветовали, чтоб дать ему шесть мешков зерна и послать на базар, да велеть, чтобы не продавал ни евреям, ни

купцам, ни старым бабам, а продавал девчатам и молодыцам[20] и просил бы с них за зерно п...ду. Пришел старик домой да и говорит:

— Сынок! Бери пару волов, запрягай их и езжай на базар, да вези шесть мешков зерна; только не продавай евреям, купцам и старым бабам, а продавай девчатам да молодыцам.

Вот взял он пару волов, запряг, накла на воз зерна и повез на место. Подъехал к базару, встречает его еврей:

— Будь здоров, паночке! Чо таке у вас в продаже?

— Ничего нет, бесов еврей!

Подходит купец:

— Что, паночке, продаете?

— Ничего нет!

Вот подходит к нему молодича и спрашивает:

— Что продается?

Он говорит:

— Зерно.

— А сколько его?

— Шесть мешков.

— А что просите за него?

— Да п...ду.

Она подивилась парубку [21] и говорит:

— А нельзя меньше взять?

— Нет, не возьму; коли дашь п...ду — так отдам.

— Вези ж за мною.

Он сразу: «Гей! Гей!» — и подъехал к ее двери и спрашивает:

— Куда же мне заносить?

Она показала ему, а сама пошла, приготовила меду и паляниц да и говорит:

— Иди сюда, паноче!

Он вошел к ней в хату.

— Будь здоров, паноче! Садись, да ешь п.....

Он сел и начал оп...здячивать, наелся и говорит:

— Спасибо за п...ду!

А она отвечает:

— Бога благодари.

Приходит он домой, мать и отец спрашивают:

— Ну что, сынку, продал зерно?

— Продал.

— А за что продал?

— За п...ду.

— Ну что, сынок, гарна[22] п...да?

— Да так сладка, что и сказать нельзя.

— Ну, сынок, женись, у и твоей жены будет!

— Коли так, то и жениться мне!

— Ну, старая, — говорит батько, — слава Богу! Наш Грицько жениться захотел.

Послали они сваху к богатому мужику.

Пришла сваха:

— Бог в помощь!

— Будь здорова, бабуся! А что ты нам скажешь хорошее?

— Да у вас есть товар, а у нас купец.

Вот и сосватала за Грицька дивчину Гапку.

Тут выбрали дружку[23] и бояр, созвали поезд [24], поехали к церкви и обвенчали, да и начали гулять-веселиться. Вот уж надо молодых в комнату почивать вести. Сват и говорит:

— Ну, смотри, Грицько! Знаешь ли, что такое п...да?

А он:

— Как не знать!

— И где?

— Да на столе.

— Да нет, ты смотри — где волосья — там и

п...да.

— Добре.

Положили их спать, а сами пошли гулять. Долго лежал Грицько с Гапкою, и захотелось ему п...ды. Начал он искать по углам да полкам — нигде нет; а в той комнате стояла соха, а вверху на сохе была подоткнута копна волос. Он увидел те волосы и полез на соху, просунул руку и щупает — нет-там п...ды! А уж слезть с сохи боится.

Пришел сват поднимать молодых, стучит:

— Добрый день, молодой Грицько!

А он сидит на сохе и говорит:

— Будь здоров!

— А что, Грицько, нашел волосья?

— Нашел.

— И взял?

— Влез-то лихо, да никак не слезу.

— Вались на бок.

Грицько повалился на бок, ударился о землю и разбил себе голову до крови. Сват спрашивает:

— Ну что, свалился?

— Свалился.

— И что, до крови?

— Дак ведь видишь — до крови! Открывайте ж двери.

Открыли. Грицько сразу выскочил и побежал в степь к своим овцам. Бежит по попову двору. Вдруг наскочили на него собаки; он начал обороняться, пятиться и влез в самую церковь, а было воскресенье. Он подивился и говорит: «Ишь, бесовы собаки сколько сюда нагнали людей».

И удивительно ему, что людей много, а все молчат, только помаленьку шепчут да кланяются. Может, они просят, чтобы их кто до дому довел? А потом увидел он попа в золотой одежде, что ходит меж людей да все кланяется; вон идет — и к Грицьку. Грицько думает: «Что такое? Несет он торбочку[25] и на людей огонь кидает[26]». Поп ближе, а Грицько ему говорит:

— Понемногу, батюшка! Очи не выпечи.

А поп все махает да махает. Как Грицько двинет его по голове, он аж упал; тут люди, может, человек пятьдесят будет, вцепились в дурня. Он их всех вытащил из церкви, а сам пошел в степь: «Ну, бесовы люди, скажите мне спасибо, а то бы вы туточки[27] заночева-

ли!»

А Гапка скучает без мужа и плачет. Вот и научили ее, чтоб она пошла к Грицьку в степь. Если будет он стоять со стадом возле воды, то чтоб она спросила у него:

— А что, мужик, нельзя ли тут искупаться?

А он скажет:

— Отчего ж не можно — можно.

— Да, может, здесь глубоко? Полезай сам вперед в воду.

Вот так дело и делается!

Пошла Гапка в степь, приходит, а он стоит около пруда:

— Будь здоров, паночче!

— Будь здорова!

— А что, можно ли тут искупаться?

— Почему ж не можно?

— А вдруг глубоко, покажи мне.

Он сразу скинул рубаху и штаны, влез в воду и говорит:

— Видишь, по колено.

Она и сама влезла в воду, увидела у него х... и выспрашивает:

— Что это такое?

А он отвечает:

— Это собака.

— А чем ты ее кормишь?

— Да ничем.

— Вот-то она и худа!

А Грицько поглядел на Гапкину п...ду, да и спрашивает:

— А у тебя что это?

— Лепешка.

— А на что она тебе?

— Собаку кормить. Пусть твоя собака лепешки поест.

— Э! Чтоб она меня укусила! Бес ее!

— Не, не укусит.

Грицько взял свою гирлыгу[28] и начал пробовать: не укусит ли? А потом согласился покормить свою собаку. Надрочила она ему х... направила в п...ду да и придерживает. Любо стало Грицьку, бросил он степь, прибежал домой и кричит:

— Тятка, мамка, где моя жинка?

— На что она тебе?

— Е...ть хочу.

— Сейчас придет.

А жена тому рада и сама говорит:

— Подожди до обеда, мать галушки[29] ва-

рила.

А он:

— Ничего не хочу, пойдём кормить собаку.

И начал ее е...ть, а она и говорит:

— Я, муженек, уже не сдюжу[30].

— Что же делать?

— Да мне добрые люди сказали, чтоб нашего соседа вол полизал мне жопу — тогда, может, я и поправлюсь, пойдёшь попроси!

Пошел он к соседу:

— Пускай ваш вол моей женке жопу полижет.

— Пускай!

Вернулся он к жене, да и говорит:

— Иди! Уже пригнал вола.

Вот Гапка задрала подол, выставила жопу в окно. Грицько ее придерживает, а соседский Ивашка (она с ним наперед договорилась) как начал Гапку через жопу чесать, ее аж лихорадка забила.

— Ну что? — говорит Грицько.

— Да немного полегчало.

А потом и сам Грицько заболел и говорит:

— Женка, пойдёшь попроси соседова вола, чтоб и мне жопу полизал.

Она пошла и просит у вола:

— Ну, давай, иди к окну!

Он спустил штаны и выставил в окно жо-
пу, а вол как вдарит его по жопе — он аж че-
рез голову перевернулся!

Посев х...ев

Жили-были два мужика, вспахали себе землю и поехали сеять рожь. Идет мимо старец, подходит к одному мужику и говорит:

— Здравствуй, мужичок!

— Здравствуй, старичок!

— Что ты сеешь?

— Рожь, дедушка!

— Ну, помоги тебе Бог, зародись твоя рожь
высока и зерном полна!

Подходит старец к другому мужику:

— Здравствуй, мужичок!

— Здравствуй, старичок!

— Что ты сеешь?

— На что тебе надо знать? Я сею х...и!

— Ну и зародись тебе х...и!

Старец ушел, а мужики посеяли рожь, заборонили и уехали домой. Как стала весна да пошли дожди — у первого мужика взошла рожь и густая, и большая, а у другого мужика взошли все х...и красноголовые, да так-таки всю десятину и заняли: и ногой ступить негде — все х...и! Приехали мужики посмотреть, каково их рожь взошла; у одного дух не

нарадуется, глядя на свою полосу, а у другого так сердце и замирает. «Что, — думает, — буду я теперича делать с эдакими чертями?» Дождались мужики — вот и жнитво пришло³¹]; выехали на поле: один зачал рожь жать, а другой смотрит — у него на полосе выросли х... аршина в полтора, стоят себе красноголовые, словно мак цветет. Вот мужик поглазел-поглазел, покачал головой и поехал назад домой; а приехавши собрал ножи, наточил повострее, взял с собой ниток и бумаги и опять воротился на свою десятину и начал х...и срезывать: срежет пару, обвернет в бумагу, завяжет хорошенько ниткою и положит в телегу. Посрезывал все и повез в город продавать. «Дай-ка, — думает, — повезу, не продам ли какой дуре хошь одну парочку!» Везет по улице и кричит во все горло:

— Не надо ли кому х...и, х...и, х...и! У меня славные, продажные х...и, х...и, х...и!

Услыхала одна барыня, посылает горничную девушку:

— Поди поскорее, спроси, что продает этот мужик?

Девка выбежала:

— Послушай, мужичок! Что ты продаешь?

— Х...и, сударыня!

Приходит она назад в горницу и стыдится барыне сказать.

— Сказывай же, дура! — говорит барыня, — не стыдись! Ну, что он продает?

— Да вот что, сударыня, — он, подлец, х...и продает!

— Эка дура! Беги скорей, догони да поторгуй, что он с меня за пару возьмет.

Девка воротила мужика и спрашивает:

— Что парочка стоит?

— Да без торгу сто рублей.

Как только сказала девка про то барыне, она сейчас же вынула сто рублей.

— На, — говорит, — поди, да смотри выбери какие получше, подлиннее да потолще.

Приносит девка мужику деньги и спрашивает:

— Только, пожалуйста, мужичок, дай каких получше.

— Они у меня все хороши уродились!

Взяла горничная пару добрых х...ев, приносит и подает барыне; та посмотрела, и показали ей очень [32]. Сует себе куда надуть, а

они не лезут.

— Что же тебе мужик сказал, — спрашивает она у девушки, — как командовать ими, чтобы действовали?

— Ничего не сказывал, сударыня.

— Эка ты дура! Поди сейчас спроси.

Побежала опять к мужику:

— Послушай, мужичок, скажи, как твоим товаром командовать, чтобы мог действовать?

А мужик говорит:

— Коли дашь еще сто рублей, так скажу!

Горничная скорее к барыне: так и так, даром не сказывает, сударыня, а просит еще сто рублей.

— Такую штуку и за двести рублей купить — не дорого!

Взял мужик новую сотню и говорит:

— Коли барыня захочет, пусть только скажет «но-но!» Барыня сейчас легла на кровать, заворотила свой подол и командует: «Но-но!» Как пристали к ней оба х...я, да как зачали ее нажаривать, барыня уж и сама не рада, а вытащить их не может. Как от беды избавиться? Посылает она горничную:

— Поди, догоняй этого сукина сына да спроси, что надо сказать, чтоб они отстали?

Бросилась девка со всех ног:

— Скажи, мужичок, что нужно сказать, чтоб х...и от барыни отстали? А то они барыню совсем замучили.

А мужик:

— Коли даст еще сто рублей, так скажу!

Прибегает девка домой, а барыня еле жива на кровати лежит.

— Возьми, — говорит, — в комод последние сто рублей, да неси подлецу поскорей! А то смерть моя приходит!

Взял мужик и третью сотню и говорит:

— Пусть скажет только «тпру!» — они сейчас отстанут.

Прибежала горничная и видит: барыня уж без памяти и язык высунула. Вот она сама крикнула на них «тпру!» Оба х...я сейчас выскочили. Полегчало барыне; встала она с кровати, взяла и припрятала х...и и стала себе жить в свое удовольствие: как только захочется — сейчас достанет их, скомандует, и х...и станут ее отрабатывать, пока не закричит барыня «тпру!»

В одно время случилось барыне поехать в гости в иную деревню, и позабыла она взять эти х...и с собою. Побыла в гостях до вечера, и стало ей скучно: собирается домой. Тут зачали ее упрашивать, чтоб осталась переночевать.

— Никак невозможно, — говорит барыня, — я забыла дома одну секретную штуку, без которой мне не заснуть!

— Да коли хотите, — отвечают ей хозяева, — мы пошлем за нею хорошего, надежного человека, чтоб привез ее в целости.

Барыня согласилась. Сейчас нарядили ла-

кея, чтоб оседлал доброго коня, ехал в барынин дом и привез такую-то вещь.

— Спроси, — сказывает барыня, — у моей горничной, уж она знает, где эта штука спрятана.

Вот лакей приехал, горничная вынесла ему два х...я, оба завернуты в бумагу, и отдала. Лакей положил их в задний карман, сел верхом и поехал назад. Пришлось ему по дороге въезжать на гору, а лошадь-то была ленивая, и только что начал он понукать ее «но-но!», как они вдруг выскочили оба и ну его жаривать в жопу. Холуй ажно испугался! Что за чудо такое, откуда они, проклятые, взялись? Пришло холую хоть до слез[33], не знает как и быть! Да стала лошадь с горы спускаться прытко, так он закричал на нее «тпр-ру!» Х...и сейчас из жопы и повыскакали вон. Вот он подобрал их, завернул в бумагу, привез и подает барыне.

— Что, благополучно? — спрашивает барыня.

— Да ну их к черту, — говорит холуй, — коли б на дороге да не гора, они зае...ли б меня до двора!

Дурень

Жили мужик да баба, у них был сын дурак. Задумал он, как бы жениться да поспать с женою, — то и дело пристаёт к отцу: «Жени меня, батюшка!» Отец и говорит ему:

— Погоди, сынок! Еще рано тебе жениться: х...й твой не достаёт еще до жопы; когда достанет до жопы, в ту пору тебя и женю.

Вот сын схватился рукой за х...й, натянул его как можно крепче. Посмотрел — и точно правда, не достаёт немного до жопы.

«Да, — говорит, — и то рано мне жениться — х...й еще маленький, до жопы не хватает! Надо повременить годик-другой». Время идет себе да идет, а дураку только и работы, что вытягивает х...й; и вот-таки добился он толку, стал х...й его доставать не только до жопы — и через хватает! «Не стыдно будет с женою спать: сам ее удовольствую, не пущу в чужие люди!»

Отец подумал себе: «Какого ожидать от дурака толку!» Сказал ему:

— Ну, сынок! Когда х...й у тебя такой большой вырос, что через жопу хватает, то и же-

нить тебя не для чего; живи холостой, сиди дома, да своим х...ем е...и себя в жопу!

Тем дело и кончилось.

Пастух

В одной деревне жил-был пастух, молодой парень; деревенские девицы и молодые молодницы к нему были привычны и всякие шутки от него принимали. Многие девки на него завидовали: хочется полюбится с ним, да не всякой удаётся-то! Вот девки и придумали на него напраслину, а может, и взаправду — застали его на кобыле и ну над ним потешаться. Другие девки ещё не так его докоряли, как одна Дуня. Погонит, бывало, она поутру скотину, а сама кричит пастуху:

— Смотри-ка, Иван, стереги мою кобылу!

Просто проходу ему не даёт своей кобылой. Пастух все себе на ус мотает. А в деревне жила старуха, такая приветливая, и к этой старухе собирались девки на посиделки. Пошел пастух к старухе и прямо упал к ней в ноги:

— Заставь, бабушка, за себя вечно Бога молить; а я тебя до веку не забуду.

Рассказал ей про свое горе и дал ей полтинник денег.

— Хорошо, родимый! Приходи ужо в су-

мерки.

Вечером пригнал пастух с поля стадо, а в то время дождик; стали бабы зазывать свою скотинку, Дуня тоже побежала по деревне искать свою корову. А старуха увидала ее в окне и закричала:

— Дуня, Дуня! Поди-кась сюда.

Девка прибежала. Как зачала бранить ее старуха, а пастух-то спрятан у нее за печкою:

— Смотри, Дуняша, будешь каяться, да не воротишь!

Дуня испугалась и не знает, какая такая вина за нею.

— Экие вы дуры безопасные, — сказала старуха, — бегаете неосторожно и прыгаете через канаву как попало! Годится ли эдак де-

лать! Посмотри-кась, что ты теперь наделала: ведь ты, дура, честь свою испортила! Кто тебя замуж возьмет?

— Ах, бабушка! Нельзя ли похлопотать да поправить как-нибудь?

— То-то поправить! За все про все отвечай бабушка! Поди-ка сюда, делай, что скажу, да терпи, хоть и больно будет.

— Хорошо, бабушка.

— Смотри в окно да раскорячься пошире, а сама чур не оглядывайся: а то все дело пропадет в то время, и поправить нельзя будет!

Заворотила ей сарафан и махнула пастуху. Иван подкрался тихонько, скинул портки и начал поправлять Дунькину честь.

— Ну что? Хорошо? — спрашивает старуха.

— Хорошо, бабушка; ух как хорошо! Еще поправь, бабушка! Я тебя никогда не забуду.

Покончил свое дело пастух и спрятался за печку.

— Теперь, — сказала старуха, — ступай, глупенькая, домой! Да моли за бабушку Бога.

На другой день погнала Дуня скотину и опять стала дразнить пастуха кобылою; а он ей в ответ:

— А не хочешь ли честь тебе поправлю!

— Ну, хорошо, Иван, — сказала с укором
девка.

— Не знаю как тебе, а мне хорошо было! —
отвечал пастух.

Чудесная дудка

В некотором царстве, в некотором государстве жил барин, да еще был мужик, такой бедный, что и сказать нельзя! Призвал его барин и говорит:

— Послушай, мужичок! Долгу своего ты не платишь, и взять с тебя нечего; ступай ко мне и живи за долг три года.

Прожил у него мужик год, и другой, и третий. Барин видит, что мужику скоро срок отходит, и думает, какую бы сыскать вину, чтоб еще оставить мужика при себе на три года.

Позвал его барин и говорит:

— Послушай, мужичок! Вот тебе десять зайцев, гони их пастись в поле, да смотри, чтоб все были целы! А то опять оставлю при себе на три года.

Только погнал мужик зайцев в поле — они все у него разбежались в разные стороны. «Что делать, — думает он, — теперь пропал я!» Сел и плачет. Откудова ни возьмись — явился старик и спрашивает:

— О чем, мужичок, плачешь?

— Как мне, старик, не плакать! Дал мне ба-

рин пасти зайцев, они все и разбежались; теперь беда мне неминуемая!

Старик дал ему дудочку и говорит:

— На тебе дудочку; когда заиграешь в нее, они все к тебе прибегут!

Мужик сказал спасибо, взял дудочку и только заиграл в нее — как тотчас все зайцы к нему прибежали. Он погнал их домой; барин пересчитал зайцев и говорит:

— Все целы!

— Ну что нам делать, — сказал барин своей барыне, — какую вину на мужике сыскать?

— А вот что, душенька, когда он завтра погонит зайцев, я переоденусь в другое платье, пойду к нему и куплю одного зайца.

— Ну, хорошо!

Наутро погнал мужик зайцев в поле, и только подошел к лесу — они тотчас все разбежались в разные стороны; а мужик сел на траву и начал лапти плести. Вдруг идет барыня, остановилась, подошла к нему и спрашивает:

— Что, мужичок, здесь делаешь?

— Скотину пасу.

— Какую скотину?

Мужик взял дудочку и заиграл — все зайцы сбежались к нему.

— Ах, мужичок! — сказала барыня, — продай мне одного зайчика.

— Никак нельзя, ведь это господские зайцы, а барин у меня очень строг! Он, пожалуй, меня совсем заест!

Барыня стала к нему приставать:

— Пожалуйста, продай!

Мужик видит, что ей очень хочется зайчика, и говорит:

— У меня, барыня, завет положен[34].

— Какой завет?

— Кто даст поеть, тому и зайца уступлю.

— Возьми лучше деньгами, мужичок!

— Нет, мне больше ничего не надо!

Барыня — делать нечего — дала мужику поеть; он обработал ее и подал ей зайца:

— Только, барыня, держи его потихоньку, а то раздавишь. Она взяла зайца, села в коляску и поехала. А мужик как заиграл в свою дудочку — этот заяц услышал, выпрыгнул из рук барыни и ушел назад к мужику. Приехала барыня домой.

— Ну что, купила зайца?

— Купила-то купила, только как мужик заиграл в свою дудочку, заяц выпрыгнул от меня и ушел.

На другой день опять приехала барыня к мужику. Подходит к нему и опять спрашивает:

— Что делаешь, мужичок?

— Лапти плету да господскую скотину пасу.

— Где ж твоя скотина?

Мужик заиграл в дудочку, и сейчас сбежались к нему все зайцы. Барыня стала торговать зайца.

— У меня положен завет.

— Какой?

— Дай поеть.

Барыня опять дала и получила за то зайца; а как мужик заиграл — заяц выскочил и ушел от нее. На третий день переделся и поехал сам барин.

— Что, мужичок, делаешь?

— Скотину пасу.

— Да где ж твоя скотина?

Заиграл мужик в дудочку — сбежались к

нему зайцы.

— Продай мне одного!

— За деньги не продам; у меня положен завет.

— Какой завет?

— Кто захочет кобылу поеть — тому и зайца отдам. Барин влез на кобылу и сотворил грех с нею. Мужик подал ему зайца и говорит:

— Держи его, барин, потихоньку, а то задавишь.

Барин взял зайца и поехал домой, а мужик заиграл в дудочку — заяц услышал и ушел от него к мужику. Видит барин, что ничего не возьмешь, и отпустил мужика жить на воле.

Чудесная мазь

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик, парень молодой; не посчастливилось ему в хозяйстве, все коровы и лошади подошли, осталась одна кобыла. Стал он эту кобылу беречь пуще глаза, сам не поест, не доспит, а все за ней ухаживает, раздобрела во как кобыла! Раз как-то убирал он свою лошадаенку, зачал ее гладить да приговаривать:

— Ах ты, моя голубушка! Матушка! Нет милее тебя!

Услыхала эти слова соседская дочь — девка ражая, и как собрались на улицу деревенские девки, она им сказала:

— Ох, сестрицы! Я стояла у себя на огороде, а сосед наш Григорий убирал на ту пору свою кобылу, да потом слазил на нее и ну целовать да приговаривать: «Ах ты, голубушка моя, матушка! Нет тебя милее на свете!»

Вот девки и начали парню смеяться: где только ни повстречают его, так и закричат:

— Ах ты, матушка моя, голубушка!

Что делать парню; никуда глаз показать

нельзя. Стал он печалиться. Вот увидела его старуха тетка:

— Что, Гриша, не весел? Что головушку повесил?

Он ей рассказал про все это дело.

— Ничего, Гриша, — сказала старуха, — все поправлю; приходи-ка завтра ко мне. Небось перестанут смеяться!

Старуха-то была лекарка, да такая важная — на все село; а в избу к ней сходились на вечерницы[35] девки. Вот она вечером-то увидела ту девку, что рассказала о Григории, как он кобыле под хвост лазил, и говорит ей:

— Ты, девушка, заходи ко мне завтра поутру; мне надо кой о чем с тобой потолковать.

— Хорошо, бабушка!

На другой день встал молодец, оделся и пришел к старухе.

— Ну смотри, Гриша, чтоб у тебя припас-то был готов! А теперя становись за печку, да стой смирно, пока не позову.

Только стал он за печкою, пришла и девка.

— Здравствуй, бабушка!

— Здорово, голубушка! Вот что, девушка, хочу тебе сказать: вить над тобою худое деет-

ся, вить ты, родимая, оченно больна...

— Э, бабушка, я, кажись, совсем здорова!

— Нет, голубушка, у тебя внутри то делается, что и подумать-то страшно! Хошь теперя [36] и не больно тебе, а как дойдет до сердца — в то время уж ничем не вылечишь; так и помрешь! Дай-ка я тебя за живот пощупаю.

— Пощупай, бабушка! — говорит девка, а сама чуть не плачет со страху.

Стала баба щупать ее за живот и говорит:

— Вишь, я правду сказывала! Как только вчерась на тебя взглянула — сейчас догадалась, что с тобой недоброе делается. У тебя, голубушка, подле сердца желтуха...

— Полечи, пожалуйста, бабушка!

— Уж коли хвораешь, так надо полечить; только стерпишь ли? Ведь больно будет!

— Что хошь делай, хошь ножом режь, да вылечи!

— Ну, стань же ты вот тут, высунь голову в окошко и примечай: с какой стороны, с правой али с левой, больше народу будет идти? А назад-то не моги оглядываться, а то все мое лекарство задаром пропадет: тоща и двух недель не проживешь!

Девка высунула свою голову в окошко и ну глазеть по сторонам; а старуха задрала ей хвост и говорит:

— Нагнись-ка туда за окошко побольше, да не оглядывайся; сейчас стану мазать тебе помазком да деготьком!

Тут вызвала старуха потихоньку парня:

— Ну, работай!

Вот он и засунул девке помазок свой на целую четверть вглубь, и как стало у них заходиться — стала девка жопой вертеть, а сама просит:

— Бабушка, голубушка! Мажь, мажь побольше своим деготьком да помазком!

Парень отвалял ее и ушел за печку.

— Ну, девушка, — сказала старуха, — теперича такая будешь красавица — что любо-дорого!

Девка поблагодарила старуху:

— Спасибо, бабушка! Какое славное у тебя лекарство-то, просто сласть!

— У меня ничего худого нету! А это лекарство для баб и девок куда пользоватое! [37] А с какой стороны народу шло больше?

— С правой, бабушка.

— Ишь, какая ты счастливая! Ну ступай с Богом домой.

Девка ушла, ушел и парень. Вот он пообедал и повел свою кобылу на реку поить. Девка увидела его, выскочила и кричит:

— Ах ты, матушка моя, голубушка!

А он оборотился и ну передразнивать ее:

— Ох, бабушка-голубушка! Мажь, мажь по-больше свои деготьком да помазком!

Тут девка язык прикусила и стала жить с парнем дружно.

Волшебное кольцо[38]

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были три брата-крестьянина, повздорили меж собой и стали делиться; поделили имение не поровну: старшим досталось много, а третьему по жребию пришлось мало. Все они трое были холостые; сошлись вместе на дворе и говорят промеж себя: пора-де нам жениться!

— Вам хорошо, — говорит меньшей брат, — вы богаты и у богатых сосватались; а мне-то что делать? Я беден, нет у меня ни полена, только и богатства что х...й по колена!

В то самое время проходила мимо купеческая дочь, подслушала этот разговор и думает себе: «Ах, кабы мне попасть замуж за этого молодца, у него х...й по колена!»

Вот старшие братья поженились, а меньшей ходит холостой. А купеческая дочь как пришла домой, только на разуме и держит [39], чтобы выйти за него замуж; сватали ее разные богатые купцы, только не выходит за них.

— Ни за кого, — говорит, — не пойду за-

муж, окромя[40] за такого-то молодца.

Отец и мать ее уговаривать:

— Что ты, дура, задумала? Опомнись! Как можно идти за бедного мужика?

Она отвечает:

— Нужды вам нет до этого[41]. Не вам с ним жить!

Вот купеческая дочь подговорила себе сваху и послала к тому парню, чтоб непременно шел ее сватать. Пришла к нему сваха и говорит:

— Послушай, голубчик! Что ты зеваешь? Ступай сватать купеческую дочь, она давно тебя поджидает и с радостью за тебя пойдет.

Молодец сейчас собрался, надел новый армяк, взял новую шапку и пошел прямо на двор к купцу сватать за себя его дочь. Как увидела его купеческая дочь и узнала, что это подлинно тот самый, у которого х...й по колена, не стала и разговаривать, начала просить у отца, матери их родительского навеки нерушимого благословения.

Легла она спать с мужем первую ночь и видит, что у него х...ишка так себе, меньше перста[42].

— Ах ты, подлец! — закричала на него. — Ты хвастался, что у тебя х...й по колена; где же ты его дел?[43]

— Ах, жена-сударыня! Ведь ты знаешь, что я холостым был очень беден; как стал собираться играть свадьбу — денег у меня не было, не на что было подняться[44], я и отдал свой х...й под заклад.

— А за сколько ты его заложил?

— Не за много, всего за пятьдесят рублей.

— Ну, хорошо же; завтра пойду я к матушке, выпрошу денег, и ты непременно выкупи свой х...й, а не выкупишь — и домой не ходи!

Дождалась утра и сейчас побежала к матери и говорит:

— Сделай милость, матушка, дай мне пятьдесят рублей, очень нужно!

— Да скажи, на что нужно-то?

— А вот, матушка, для чего: у моего мужа был х...й по колена, да как стали мы играть свадьбу, ему, бедному, не на что было подняться, он и заложил его за пятьдесят рублей. Теперича у моего мужа х...ишка так себе, меньше перста, так непременно надо выкупить его старый х...й!

Мать, видя такую нужду, вынула пятьдесят рублей и отдала дочери. Та прибегает домой, отдает мужу деньги и говорит:

— Ну, ты теперича беги как можно скорее, выкупи свой старый х... й; пускай чужие люди им не пользуются!

Взял молодец деньги и пошел с очей долой; идет и думает: «Куда мне теперича деваться? Где такого х...я жене достать? Пойду куда глаза глядят». Шел он близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли и повстречал старуху.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, добрый человек! Куда путь держишь?

— Ах, бабушка! Коли бы ты знала, ведала мое горе, куда я иду!

— Скажи, голубчик, твое горе, может, я твоему горю и пособлю.

— Сказать-то стыдно!

— Небось, не стыдись, а говори смело!

— А вот, бабушка, похвастался я, что у меня х...й по колена, услышала эти речи купеческая дочь и вышла за меня замуж, да как ночевала со мной первую ночку и увидала, что

х...ишка мой так себе, менее перста, она заартачилась, стала спрашивать: «Куда девал большой х...й?» А я сказал ей, что заложил, дескать, за пятьдесят рублей. Вот она дала мне эти деньги и сказала, чтоб непременно его выкупил; а коли не выкуплю — чтоб и домой не показывался. Не знаю, что моей головушке и делать-то!

Старуха говорит:

— Отдай мне свои деньги, я пособлю твоему горю!

Он сейчас вынул и отдал ей все пятьдесят рублей; а старуха дала ему кольцо.

— На, — говорит, — возьми это кольцо, надевай только на один ноготок.

Парень взял кольцо и надел; как надел на ноготок — х...й у него сразу сделался на локоток[45].

— Ну что, — спросила старуха, — будет твой х...й по колена?

— Да, бабушка, еще хватил пониже колена.

— Ну-ка, голубчик! Надень кольцо на целый перст.

Он надвинул кольцо на целый перст — у него х...й вытянулся на семь верст.

— Эх, бабушка, куда ж я его дену? Вить[46] мне с ним беда будет!

А старуха:

— Надвинь кольцо опять на ноготок — будет с локоток. Теперича с тебя довольно! Смотри ж, всегда надевай кольцо только на один ноготок.

Он поблагодарил старуху и пошел назад домой, идет и радуется, что не с пустыми руками явится к жене. Шел-шел, и захотелось ему поесть; своротил он в сторону и сел неподалеку от дороги около репейника, вынул из котомки сухариков, размочил в воде и закусил. Захотелось отдохнуть ему: он тут же лег вверх брюхом и любуется кольцом: надвинул на ноготь — х...й поднялся вверх на локоть, надвинул на целый перст — х...й поднялся вверх на семь верст; снял кольцо — и х...ишка стал маленький по-прежнему да по-старому. Смотрел-смотрел на кольцо, да так и уснул, а кольцо позабыл спрятать, осталось оно у него на груди. Проезжал мимо в коляске один барин с женою и увидел: спит неподалечку мужик, а на груди у него светится кольцо, как жар горит на солнце. Остановил барин лоша-

дей и говорил лакею:

— Поди к этому мужику, возьми кольцо и принеси ко мне.

Лакей сейчас побежал и принес кольцо к барину. Вот они поехали дальше, а барин любит колючку.

— Посмотри, душенька, — говорит своей жене, — какое славное кольцо; дай-ка я надежду его.

И сразу надвинул на целый перст — у него х. й вытянулся, спихнул кучера с козел и прямо потрафил[47] кобыле под хвост; кобылу пихает, да коляску вперед подвигает. Видит барыня, что беда, крепко перепугалась и кричит громким голосом на лакея:

— Беги скорей назад к мужику, тащи его сюда!

Лакей бросился к мужику, разбудил его и говорит:

— Иди, мужичок, скорее к барину!

А мужик кольцо ищет:

— Мать твою так! Ты кольцо взял?

— Не ищи, — говорит лакей, — иди к барину, кольцо у него; оно, брат, много хлопот нам наделало.

Мужик побежал к коляске. Барин просит его:

— Прости меня! Пособи моему горю!

— А что дашь, барин?

— Вот тебе сто рублей!

— Давай двести, так пособлю!

Барин вынул двести рублей; мужик взял деньги, да и стащил у барина с руки кольцо — х...я того как не бывало; остался у барина его старый х...ишка. Барин уехал, а мужик пошел со своим кольцом домой.

Увидала его жена в окошечко, выбежала навстречу.

— Ну что, — спрашивает, — выкупил?

— Выкупил.

— Ну, покажь!

— Ступай в избу, не на дворе ж тебе показывать!

Вошли в избу; жена только и твердит: покажь да покажь!

Он надвинул кольцо на ноготь — стал х...й у него с локоть; вынимает из порток и говорит:

— Смотри, жена!

Она зачала его целовать:

— Вот, муженек! Пущай лучше эдакое добро при нас будет, чем в чужих людях. Давай-ка поскорей пообедаем, ляжем да попробуем!

Сейчас наставила на стол разных кушаньев и напитков, поит да кормит его. Пообедали и пошли отдыхать. Как пробрал он жену своим х...ем, так она целых три дня под подол себе засматривала[48]: все ей мерещится, что промеж ног торчит! Пошла она к матери в гости, а муж тем времечком вышел в сад и лег под яблоней.

— Что же, — спрашивает мать у дочери, — выкупили х...й-то?

— Выкупили, матушка!

Вот купчиха только о том и думает, как бы ухитриться сбегать к зятю, покудова дочь здесь, да попробовать его большого х...я. Дочь-то заговорила, а теща и удрала к зятю; прибежала в сад, смотрит: зять спит себе, кольцо у него надето на ноготок — х...й стоит с локоток. «Дай-ка я теперича залезу к нему на х...й», — думает теща, взлезла и давай на х...ю покачиваться. Вот на ту беду надвинулось как-то кольцо у сонного зятя на целый

перст — и потащил х...й тещу вверх на семь верст. Дочь видит, что мать куда-то ушла, догадалась и бросилась домой: в избу — нет никого; она в сад — смотрит: муж спит, его х...й высоко торчит, а наверху чуть-чуть видно тещу; как ветром поддаст — она так и завертится на х...ю, словно на рожне. Что делать? Как матушку с х...я снять? Набежало на то место народу видимо-невидимо, стали ухитряться да раздумывать.

Одни говорят:

— Больше нечего делать, как взять топор да х...й подрубить.

А другие говорят:

— Нет, это не годится! За что две души погубить; как срубим х...й, вить баба на землю

упадет — убьется. Лучше миром помолиться, авось каким чудом старуха с х...я свалится!

На ту пору проснулся зять, увидал, что у него кольцо надето на весь перст, а х...й торчит к небу на семь верст и крепко прижал его самого к земле, так что и повернуться на другой бок нельзя! Начал потихоньку кольцо с пальца сдвигать, стал у него х...й убывать; сдвинул на ноготь — стал х...й с локоть, и видит зять, что на х...ю торчит теща.

— Ты, матушка, как сюда попала?

— Прости, зятюшка, больше не стану!

Мужики и барин

Пришел барин в праздник к обедне, стоит и молится Богу; вдруг откуда ни возьмись — стал впереди его мужик, этот сукин сын согрешил, так набздел, что и продохнуть не можно.

«Эка подлец! Как навонял», — думает барин. Подошел к мужику, вынул целковый[49] денег, держит в руке и спрашивает:

— Послушай, мужичок! Это ты так хорошо насрал?

Мужик увидел деньга и говорит:

— Я, барин!

— Ну вот, братец! На тебе за это рубль денег.

Мужик взял и думает: «Верно, барин уж очень любит бздох, надо каждый праздник ходить в церковь да около него становиться — он и всегда по целковому будет давать».

Отошла обедня, разошлись все по домам. Мужик прямо к соседу своему и рассказал, как и что с ним было.

— Ну, брат, — говорит сосед, — теперича, как дождем праздника — пойдем оба в цер-

ковь; вдвоем мы еще больше набздим: он об-
им нам даст денег!

Вот дождались они праздника, пошли в церковь, стали впереди барина и напустили вони на всю церковь. Барин подошел к ним и спрашивает:

— Послушайте, ребята, это вы так хорошо насрали?

— Мы, сударь!

— Ну, спасибо вам; да жалко, со мной тепе-
рича денег не случилось[50]. А вы, ребята, как
отойдет обедня, пообедайте поплотней да
приходите ко мне на дом набздеть хорошень-
ко, я вам тогда заодно заплачу.

— Слушаем, барин! Нынче же к вашей ми-
лости оба придем.

Как покончилась обедня, мужики пошли
домой обедать, нажрались — и к барину. А ба-
рин приготовил им добрый подарок: розог да
палок. Встречает их и говорит:

— Что, ребята, побздеть пришли?

— Точно так, сударь!

— Спасибо вам! Да как же, молодцы, ведь
надо раздеться, а то на вас одежды много — не
скоро дух прошибет.

Мужики поскидали армяки и поддевки, спустили портки и долой рубашки. Барин махнул слугам своим; как они схватили мужиков, растянули их да начали парить[51]. Палок пятьсот задали в спину[52]! Насилу выбрались, да бежать домой без оглядки, и одежу-то побросали.

Добрый отец

В одной деревне жил веселый старик, у него были две дочери — хорошие девицы. Знали их подруги и привычны были к ним на поседки[53] сходиться. А старик и сам был до девок лаком: завсегда по ночам, как только они уснут, то и ползет щупать, и какой подол ни заворотит — ту и отработает; а девка все молчит, тако уж заведение было. Ну, мудреного нет, таким образом, может, он и всех-то девок перепробовал, окромя своих дочерей. Вот и случилось, в один вечер много сошлось к ним в избу девок, пряли и веселились, да потом и разошлись все по домам: той сказано молотить рано поутру, другой мать ночевать наказала дама, у третьей отец хворает. Так все и разошлись. А старик храпел себе на полатях, и ужин проспал, и не видал, как девки-то ушли. Проснулся ночью, слез с полатей и пошел ощупывать девок по лавкам и таки нащупал на казенку[54] большую дочь, заворотил ей подол и порядком-таки отмахал, а она спросонок-то отцу родному подмахнула. Встанет поутру старик и спрашивает свою хозяйку:

— А что, старуха, рано ли ушли от нас ночевщицы?

— Какие ночевщицы? Девки еще с вечера все ко дворам ушли.

— Что ты врешь! А кого же я на казенке-то дядчил?

— Кого? Вестимо кого: знать, большую дочуху.

Старик засмеялся и говорит:

— Ох, мать ее растак!

— Что, старой черт, ругаешься?

— Молчи, старая кочерга! Я на доньку-то [55] смеюсь; вить она лихо подье...ть умеет!

А меньшая дочь садит на лавке да обертывает онучей[56] ногу, хочет лапоть надевать, подняла ногу да и говорит:

— Вить ей стыдно не подье...вать; люди говорят: «Девятнадцатый год!»

— Да, правда! Это ваше ремесло!

Невеста без головы[57]

Жил мужик с бабою. Повел он на ярмарку корову и продал мужику из другой деревни; выпили магарыч и стали сватами.

— Ну, сват, будь завсегда знаком!

— Как же, сват, как же! С тех пор, где они ни съедутся, величают друг друга сватами и угощают водкой. Случилось один раз съехаться им в харчевне.

— А, здравствуй, сват!

— Здорово, сват! Какова твоя коровушка?

— Слава Богу!

— Ну, слава Богу лучше всего. А вот, сват, как бы нам с тобой породниться?

— Ну что ж? У тебя сына время женить, а у меня дочь — хоть сейчас выдавай замуж!

— Так, значит, по рукам?

— По рукам.

Потолковали и разъехались. Воротился домой мужик, что корову-то продал, и говорит сыну:

— Ну, сынок, кланяйся: я тебе невесту нашел, хочу тебя женить!

— Где же ты нашел, батюшка?

— А помнишь того свата, которому надысь я корову-то продал?

— Знаю, батюшка.

— Ну, вот у этого свата дочка — раскрасавица!

— Нешто ты видел?

— Сам-то я не видал, а от свата слышал.

— А не видал, так и хвалить неча. Сам ведаешь: заглазного купца кнутом дерут[58]! Ты пусти меня, я схожу в ихнюю деревню, высмотрю хорошенько и разузнаю, какова еще девка.

— Ну, ступай с Богом!

Парень надел на себя самую худую одежду, перекинул узду через плечо, взял кнут в руки и отправился к свату. Пришел уже вечером и стучится под окошком у сватовой избы:

— Здорово, хозяин!

— Будь здоров, добрый человек, — отвечает мужик. — Чего тебе надо?

— Пусти к себе от темной ночи укрыться.

— А ты откудава?

— Издалеча, верст за сто: ищу, дядюшка, хозяйских лошадей. Был я на ночлеге с лошадьми; у меня двух лошадей и увели. Вот

третий день ищу, а толку нет...

— Пожалуй, переночуй у нас!

Вошел парень в избу, снял узду с плеча и повесил на гвоздь, сея на лавку и поглядывает на невесту. Старик спрашивает у своего ночлежника:

— А что в вашей стороне хорошего слышать?

— Хорошего, дяденька, ничего, а худого много.

— Что же такое?

— Да вот что: каждую ночь волки людей едят; уже недели с две редкая ночь пройдет, чтобы волки не отгрызли[59] пять или десять человек!

Потолковали и легли спать: старик со старухой в клетки, дочь в сенях на койке, и ночлежник в сенях, только на сене, что наверху было на досках наложено. Парень лежит да все прислушивается: не придет ли к девке какой любовник? Прошел час и два, вдруг постучался кто-то в двери и говорит:

— Миленькая, отопри!

Девка встала потихонечку, отперла дверь и впустила своего любовника; он разделся

и лег с нею спать. Поговорили врозь себя, и до того договорились, что гость взобрался на девку и ну валять ее во все лопатки; отзудил раз, отзудил и в другой.

— Послушай, душа, я слыхала от баб, что если привязать ноги веревкою и притянуть покруче к самой шее, то п...да вся снаружи будет и что эдак-то хорошо еться: не надо и подмахивать. Попробуем-ка, дружок.

Гость долго не думал, взял свой кушак, обвязал около ее притянул их покруче к шее и давай качать. Тут ночлежник бросится сверху, да как закричит во все горло:

— Караул! Рятуй[60], хозяин! Твоя дочь пропала: волки голову отъели.

Любовник соскочил, да и к дверям, а ночлежник схватил за шиворот: «Нет, брат, стой, погоди маленько!» Старик со старухою услышали крик, что волки у ихней дочери голову отъели, выбежали из клетки — и к дочерней постели. Щупает ее старик руками и нащупал в потемках п...ду и жопу, оробел: ведь это, думает, одно туловище, головы-то нету — и закричал на старуху:

— Давай скорей огня! Теперича нашей доч-

ки нет живой на свете!

А сам крепко ухватился и держит за п...ду и жопу и плачет по дочери. Принесла баба огня. Глядь, а дочка-то связана! Господи Боже мой! Что это такое?

— А вот он, дядюшка, волк-то, — говорит ночлежник, держа любовника за ворот.

— Эка ты, сукин сын! — закричала старуха. — Разве не мог поеть ее попросту?

Давай толкать любовника в шею; так и вытолкали! А дочь развязали.

— Сделай милость, дружок, — просит старик ночлежника, — не сказывай никому нашего горя; вот тебе за то двадцать пять рублей!

— Нет, дядюшка, не скажу, Бог с вами! Какое мне дело! Поутру угостил старик ночлежника и проводил за деревню. Пошел парень домой. Идет, а навстречу ему целая ватага нищих с котомками.

— Послушайте, нищенские, — стал он говорить им, — ступайте вот в эту деревню, там на самом краю живет мужик богатый, нынче он делает поминки по своей дочери, у которой волки голову отъели. А мужик-то добрый,

он вас примет, накормит и напоит, еще и в котомки накладет!

Нищие прямо туда и потащились, пришли на двор, выстроились в ряд и дожидаются обеда. Хозяин увидал: «Ишь сколько их нашло!» Взял большой каравай хлеба, разрезал и обдарил всех по куску, а нищие все стоят, нейдут со двора вон.

— Чего ж вы дожидаетесь? — спрашивает мужик. — Ведь вам дали милостинку!

— Да не будет ли, дядюшка, твоей милости, не дашь ли нам пообедать да помянуть твою дочку?

— Какую дочку?

— Да которую волки съели.

— Какой черт вам сказал? У меня дома все благополучно!

— Да нас послал к тебе эдакий-то парень.

— Ну, ну, проваливайте! — закричал мужик.

Нищие ушли со двора, а хозяин говорит:

— Ну, старуха, пропали мои деньги! Только понапрасну дал этому сукину сыну: обещался никому не сказывать, а как вышел за ворота, полон двор нищих нагнал! Поди-кась,

он теперича по всем деревням славу пустил! Да еще коли сват про то узнает, так дело наше дрянь выйдет!

Меж тем парень шел-шел и пришел домой.

— Ну что, сынок, видел свою невесту? — спрашивают его отец с матерью.

— Ах, батюшка, не досаждайте мне, лучше бы совсем не видеть.

— Что так?

— Да ведь у нареченной невесты — царство ей небесное! — волки голову отъели, одно туловище оставили; завтра хоронить будут!

— Эка беда-то стряслась над ними! Надо, старуха, поехать да проститься, пока не похоронили. Люди они для нас были хорошие! Запряги-ка, сынок, нам лошадок, мы со старухою к свату поедем...

Сын запряг лошадей, они сели и поехали. Подъезжают ко двору, а сват увидал и выбежал навстречу:

— Здравствуй, сват! Как Господь милует? Милости просим в избу, гости дорогие!

А гости унылым голосом отвечают:

— Спасибо, сватушка, мы к тебе не гостить

приехали, а проститься с твоей дочкою. Верно, не судьба нам быть в родстве с тобою.

— Отчего же, сват?

— Да ведь у тебя несчастье в доме: волки голову у дочки отгрызли.

— Когда? Кто это вам сказал?

— Да сынок, ведь он у тебя прошлую ночь ночевал, сам и видел.

— Вот те раз! Так это твой сын был? Нечего делать: хоть дочка моя и жива, да дело-то неладно!

Потолковали и решились с Богом; с тех пор и перестали они называться сватами.

Боязливая невеста

Разговорились промеж собой две девки:

— Как ты, а я, девушка, замуж не пойду!

— А что за неволя идти-то! Ведь мы не господские.

— А видала ль ты, девушка, тот струмент [61], каким нас пробуют?

— Видала.

— Ну что же — толст?

— Ах, девушка, право, у другого толщиною будет с руку.

— Да это и жива-то не будешь!

— Пойдем-ка, я потычу тебя соломинкою — и то больно!

Поглупей-то легла, а поумней-то стала ей тыкать соломинкою.

— Ох, больно!

Вот одну девку отец приневолил [62] и отдал замуж. Оттерпела она две ночи и приходит к своей подруге:

— Здравствуй, девушка!

Та сейчас ее спрашивать, что и как.

— Ну, — говорит молодая, — если б я знала-ведала про это дело, не послушалась бы ни

отца, ни матери. Уж я думала, что и жива-то не буду, и небо-то мне с овчинку показалось!

Так девку напугала, что и не поминай ей про женихов. Не пойду, говорит, ни за кого, разве отец силой заставит, и то выйду ради одной славы за какого-нибудь безмудого. Только был в этой деревне молодой парень, круглый бедняк. Хорошую девку за него не отдают, а худой самому взять не хочется. Вот он и подслушал ихний разговор. «Погоди ж, — думает, — мать твою так! Улучу время, скажу, что у меня кляпа-то нет!»

Раз как-то пошла девушка к обедне, смотрит, а парень гонит свою худенькую да некованую клячу на водопой. Вот лошаденка идет-идет, да и споткнется, та девка так смехом и заливается. А тут пришлась еще крутая горка, лошадь стала взбираться, упала и покатила назад. Рассердился парень, ухватил ее за хвост и начал бить немилостливо да приговаривать:

— Вставай, чтоб тебя ободрало!

— За что ты ее, разбойник, бьешь? — говорит девка.

Он поднял хвост, смотрит и говорит:

— А что с ней делать-то? Теперь бы ее етъ да етъ, да х...я нет!

Как услышала она эти речи, так тут же и уссалась от радости и говорит себе: «Вот Господь дает мне жениха за мою простоту!» Пришла домой, села в задний угол и надула губы. Стали все за обед садиться, зовут ее, а она сердито отвечает:

— Не хочу!

— Поди, Дунюшка! — говорит мать. — Или о чем раздумалась? Скажи-ка мне.

И отец говорит:

— Ну что губы-то надула? Может, замуж захотела? Хошь за этого, а не то за этого?

А у девки одно в голове, как бы выйти замуж за безмудого Ивана.

— Не хочу, — говорит, — ни за кого; хотите — отдайте, хотите — нет за Ивана.

— Что ты, дурища, взбесилась али с ума спятила? Ты с ним по миру находишься!

— Знать, моя судьба такая! Не отдадите — пойду утоплюсь, не то удавлюсь.

Что будешь делать? Прежде старик и на глаза не принимал этого бедняка Ивана, а тут сам пошел набиваться со своею дочерью.

Приходит, а Иван сидит да чинит старый лапоть.

— Здорово, Иванушка!

— Здорово, старик!

— Что поделываешь?

— Хочу лапти заковыривать[63].

— Лапти? Ходил бы в новых сапогах.

— Я на лыки-то насилу собрал пятнадцать копеек; куда уж тут сапоги?

— А что ж ты, Ваня, не женишься?

— Да кто за меня отдаст девку-то?

— Хачешь, я отдам? Целуй меня в самый рот!

Ну и сладили. У богатого не пиво варить, не вино курить[64]; в ту ж пору обвенчали, отпировали, и повел дружка молодых в клеть и уложил спать. Тут дело знакомое: пронял Ванька молодую до руды[65], ну да и дорога-то была туды! «Эх я, дура глупая! — подумала Дунька. — Что я наделала? Уж ровно бы принять страху, выйти бы мне за богатого! Да где он кляп-то взял? Дай спрошу у него». И спросила-таки:

— Послушай, Иванушка! Где ты х...й взял?

— У дяди на одну ночь занял.

— Ах, голубчик, попроси у него еще хоть на одну ночку.

Прошла и другая ночь; она опять говорит:

— Ах, голубчик, спроси у дяди, не продаст ли тебе х...й совсем? Да торгуй хорошенько.

— Пожалуй, поторговаться можно.

Пошел к дяде, стоворился с ним заодно и приходит домой.

— Ну что?

— Да что говорить! С ним не столкуешься, 300 рублей заломил, эдак не укупишь[66]; где я денег-то возьму?

— Ну сходи попроси займы еще на одну ночку; а завтра я у бабушки выпрошу денег— и совсем купим.

— Нет уж, иди сама и проси, а мне, право, совестно!

Пошла она к дяде, входит в избу, помолилась Богу и поклонилась:

— Здравствуй, дядюшка!

— Добро пожаловать! Что хорошего скажешь?

— Да что, дядюшка, стыдно сказать, а грех утаить: одолжите Ивану на одну ночку х...я вашего.

Дядя задумался, повесил голову и сказал:

— Дать можно, да чужой х...й беречь
надыть.

— Будем беречь, дядюшка, вот те крест! А
завтра непременно совсем у тебя его купим.

— Ну присылай Ивана!

Тут она кланялась ему до земли и ушла до-
мой. А на другой день пошла к отцу, выпроси-
ла мужу 300 рублей. И купила она себе важ-
ный кляп.

Никола Дуплянский [67]

Жил-был поп с попадъей. Завела попадья себе любовника. Батрак заметил то и стал ей всячески помеху творить. «Как бы из-быть его?» — думает попадья и пошла за советом к старухе знахарке, а батрак с ней давно сделался. [68] Приходит и спрашивает:

— Родимая бабушка, помоги мне работника с попом извести!

— Поди, — говорит старуха, — в лес, там явился Никола Дуплянский, его попроси, он тебе поможет.

Побежала попадья в лес искать Николу Дуплянского. А батрак выпачкался сам весь и бороду свою выпачкал мукою, влез на ель и крихтит. Попадья и увидала: сидит на ели белый старец. Подошла к ели и давай молить:

— Батюшка Никола Дуплянский! Как бы мне извести батрака с попом?

— О жена, жена! — отвечает Никола Дуплянский, — совсем извести — грех, а можно ослепить. Возьми завтра напеки побольше да помасленней блинов, они поедят и ослепнут; а еще навари им яиц: как поедят, так и оглох-

нут.

Попадья пошла домой и давай творить блины. На другой день напекла блинов и наварила яиц. Поп с батраком стали собираться на поле; она им и говорит: «Наперед позавтракайте!» — и стала их потчевать блинами да яйцами, а масла так и подливает, ничего не жалеет:

— Кушайте, родные, масленые, макайте в масло-то, по-вкуснее будет!

А батрак уже и попа научил. Поели они и стали говорить: «Что-то темно стало», а сами прямо-таки на стену лезут.

— Что с вами, родные?

— Бог покарал: совсем ослепли.

Попадья отвела их на печь, а сама позвала своего дружка и стала с ним гулять, пить и веселиться.

— Дай-ка теперь мне пбеть, — просит гость у попадьи, — только давай сзад, как козел козу е...ет!

Попадья задрала хвост и стала раком, а гость и влез на нее. Тут поп с батраком слезли с печи и ну их валять со всего маху — важно отдули!

Муж на яйцах

Жил мужик с бабою; мужик был ленивый, а баба работячая. Вот жена землю пашет, а муж на печи лежит! Раз как-то и поехала она орать [69] землю, а мужик остался дома стряпать да цыплят пасти, да и тут ничего не сделал: завалился спать и проспал цыплят — всех их ворона перетаскала; бегаёт по двору одна квочка да кричит себе; а ему хоть трава не расти. Вот приехала хозяйка и спрашивает:

— А где цыплята?

— Ах, женушка, беда моя! Я уснул, а ворона всех цыплят и перетаскала.

— Ах ты, пес эдакий! Ну-ка, курвин сын, садись на яйца да высиживай сам цыплят.

На другой день жена поехала в поле, а мужик взял лукошко с яйцами, поставил на полатах, скинул с себя портки и сел на яйцах. Вот баба не будь дура, взяла у отставного солдата шинель и шапку, нарядилась, приезжает домой и кричит во все горло:

— Ей, хозяин! Да где ты?

Мужик полез с полатей и упал вместе с яй-

цами наземь.

— Это что делаешь?

— Батюшка, служивый, домовничаю.

— Да разве у тебя жены нету?

— Есть, да в поле работает.

— А ты что ж сидишь дома?

— Я цыплят высиживаю.

— Ах ты, сукин сын!

И давай его плетью дуть изо всех сил да приговаривать:

— Не сиди дома, не высиживай цыплят, а работай да землю паши!

— Буду, батюшка, и работать, и пахать, ей-Богу буду!

— Врешь, подлец!

Била его баба, била, потом подняла ногу:

— Посмотри, сукин сын! Был я на сражении, так меня ранили, что, подживает моя рана? Аль нет?

Смотрит мужик жене в п...ду и говорит:

— Заволакивает, батюшка!

Баба ушла, переделалась в свою бабью одежду и назад домой, а муж сидит да охает.

— Что ты охаешь?

— Да приходил солдат, всего меня плетью

избил.

— За что?

— Велит работать.

— Давно бы так надо! Жалко, что меня дома не было, я бы попросила еще прибавить.

— Ну, да ладно же, и он издохнет!

— Это отчего?

— Да был он на сражении, там его промеж ног... он мне показывал свою рану да спрашивал, подживает ли. Я сказал: заволакивает — только больно рдится[70], а кругом мохом обросло!

С тех пор стал мужик работать и на пашню ездить, а баба домовничать.

Мужик за бабьей работой

Жил-был мужик с женою. Дождались лета, пришло жнитво, стали они ходить в поле да жать. Вот каждое утро разбудит баба мужика пораньше; он поедет в поле, а баба останется дома, стопит печку, варит обед, нальет кувшинчики и понесет мужу обедать, да до вечера и жнет с ним на поле. Воротятся вечером домой, а наутро опять то же. Надоела мужику работа; стала баба его будить и посылать на поле, а он не встает и ругает свою хозяйку:

— Нет, блядь! Ступай-ка ты наперед, а я дома останусь; а то я все хожу на поле рано, а ты спишь только, да придешь ко мне уж тады [71], когда я досыта наработаюсь!

Сколько жена ни посылала его, мужик уперся на одном слове:

— Не пойду!

— Нынче суббота, — говорит жена, — надо много в доме работать: рубахи перемыть, пшена на кашу натолочь, квашню растворить, кринку сметаны на масло к завтраку сколотить [72]...

— Я и сам это обделаю, — говорит мужик.

— Ну, смотри ж, сделай! Я тебе все приготовлю.

И принесла ему большой узел черных рубах, муки для квашни, кринку сметаны для масла, проса для каши, да еще приказала ему караулить курицу с цыплятами, а сама взяла серп и пошла в поле. «Ну, еще маленько посплю!» — сказал мужик и завалился спать, да проспал до самого обеда. Проснулся в полдень, видит: работы куча; не знает, за что прежде браться. Взял он рубахи, связал и понес на реку; намочил да так в воде и оставил: «Пущай повымокнет, потом развешу, просохнет и будет готово». А река была быстротекучая, рубахи все за водою и ушли[73].

Приходит мужик домой, насыпал в квашню муки, налил водою: «Пущай киснет!» Потом насыпал в ступу проса и начал толочь и видит: наседка по сеням бродит, а цыплята все в разные стороны рассыпались. Он сейчас половил цыплят, перевязал их всех шнурочком за ножки и прицепил к курице и опять начал толочь просо; да вздумал, что еще кринка сметаны стоит, надо сколотить ее на

масло. Взял эту кринку, привязал к своей жо-
пе: «Я, дескать, буду просо толочь, а сметана
тем временем станет на жопе болтаться: ра-
зом и пшено будет готово, и масло спахтано!»
[74] Вот и толчет просо, а сметана на жопе
болтается. Тут курица побрела на двор и цып-
лят за собой потащила. Как вдруг налетел яст-
реб, ухватил курицу и потащил совсем с цып-
лятами. Курица заквохтала, цыплята запища-
ли; мужик услышал, бросился на двор да на
бегу ударился кринкою об дверь, кринку рас-
шиб и сметану всю пролил. Побежал отни-
мать у ястреба курицу, а дверей и не запер;
пришли в избу свиньи, квашню опрокинули,
тесто все поели и до проса добрались: все со-
жрали. А мужик курицы с цыплятами не от-
нял, воротился назад — полна изба свиней.
Хуже хлева сделали! Насилу вон выгнал. «Что
теперича делать? — думает мужик. — При-
дет хозяйка — беда будет!» Все дело чисто
убрал — нет ничего! «Дай-ка поеду, рубахи из
воды вытащу». Запряг кобылу и поехал на ре-
ку; уж он искал, искал белья — нету. «Дай-ка в
воде поищу!» Разделся, скинул с себя рубашку
и штаны и полез в воду и пошел бродить, а

толку все не добьется: так и бросил! Вышел на берег, глядь — ни рубахи, ни штанов нету — кто-то унес. Что делать-то? Не во что и одеться, надо в деревню голому ехать. «Нарву-ка я себе, — говорит, — длинной травы да обвяжу кляп, сяду в телегу и поеду домой, все не так стыдно будет!» Нарвал зеленой травы, обвертел свой х...й и стал отвязывать повод у лошади. Лошадь увидала траву, схватила ее зубами и оторвала совсем с х...ем. Заголосил мужик о кляпе, кое-как добрался в избу, залез в угол и сидит в углу.

— Ну что, все приготовил?

— Все, любезная жена!

— Где же рубашки?

— За водой уплыли.

— А курица с цыплятами?

— Ястреб утащил.

— А тесто, а просо?

— Свиньи съели.

— А сметана?

— Всю разлил.

— А х...й где?

— Кобыла съела.

— Экой ты, сукин сын, наделал добра!

Семейные разговоры

Жил-был мужик, у него была жена, дочь да два сына — еще малые ребята. Раз пошла мать с детьми в баню, посбирала черное белье и начала стирать его, стоя над корытом, а к мальчикам-то повернулась жопой. Вот они смотрят да смеются:

— Эх, Андрюшка! Посмотри-ка, ведь у матушки две п...ды.

— Что ты врешь! Это одна, да только раздвоилась.

— Ах вы, сопливые черти! — закричала на них мать, — вишь что выдумали!

Пришла баба в избу, легла с дочкою на печь, и стали меж собой разговаривать.

— Ну, дочка, — сказывает мать, — скоро тебя замуж пора отдавать, будешь с мужем жить, а не с нами...

— Коли так, я и замуж не хочу!

— Что ты, что ты, глупая. Да чего тебе бояться? Добрые девки еще тому радуются.

— Да чего радоваться-то?

— Как чего? Переспишь с мужем первую ночь, променяешь тады и отца с матерью на

него, понравится тебе слаще меду и сахару.

— Отчего же, матушка, так сладко и где у них эта сладость?

— Ах ты, какая глупая! Вить ты ходила маленькою с отцом в баню-то?

— Ходила, — говорит дочь.

— Ну, видела ты у отца на конце зарубку?

— Видела, матушка.

— Вот это и есть самая сласть.

А дочь говорит:

— Коли бы эдак зарубить зарубок пять, тады б еще слаще было!

Отец лежал, лежал на полатях, слушал, слушал, не утерпел и закричал:

— Ах вы, разбойницы! Х...й вам в горло! Про что говорят! Мне для вашей сласти не разрубить своего х...я на мелкие части.

Вот тут девушка гадала да гадала: одного-то х...я мало, а два не влезут; лучше их вместе свить да оба вбить.

Странные имена

Жил-был мужик с женою. Поехал на поле пахать; только прошел одну борозду — и выпахал котелок с деньгами. Обрадовался мужик, схватил котелок, и только хотел припрятать — подходит солдат, увидал деньги и говорит:

— Послушай, мужик! Это мои деньги. Коли отдашь их мне, то сколько борозд пропашешь нынче, столько и котелков с деньгами найдешь!

Мужик подумал-подумал и отдал солдату свою находку. Начал опять пахать; прошел одну борозду — нет денег, прошел другую — тоже нет. «Видно, соху пущаю мелко», — думает мужик и пустил соху поглубже: едва лошадь тянуть может! А денег все нету. Приходит к нему хозяйка с обедом и давай его ругать:

— Какой ты хозяин! Бога ты не боишься, поди-кась, как лошадь упарил! Зачем так глупо пашешь?

— Послушай, жена! — говорит мужик. — Только приехал я на поле да прошел первую

борозду, сейчас и вырыл котелок, полный денег. Да принеси на ту пору нечистая сила солдата: коли ты, говорит, отдашь мне эти деньги, то сколько ни пройдешь за день борозд, столько и котелков с деньгами найдешь, Я ему и отдал свою находку. Стал пахать, да вижу, что нет ничего, и подумал себе: видно, соха берет мелко; ну, взял и пустил ее поглубже. Пахал-пахал, целый день пахал, а толку нету!

— Экой ты дурак! Попало счастье, не мог сберечь. А в какую сторону пошел солдат?

— Да прямо вот по этой дороге.

— Пойду-ка его догоню!

И пошла хозяйка со своим сынишкой догонять солдата. Шли-шли и видят: идет впереди какой-то солдат и несет в руках котелок. Нагнали.

— Здорово, служивый! Куда Бог несет?

— Иду в отпуск, голубушка!

— А в какую деревню?

— Да в такую-то.

— Ну и мне туда же, пойдём вместе.

— Пойдем.

Идут вместе и разговаривают:

— Как тебя, голубушка, зовут?

— Ах, служивый, нас с сыном так зовут, что и сказать стыдно.

— Что за стыдно? Украсть — стыдно, а сказать — ничего, можно.

— Да видишь, меня-то зовут Насеру, а сына Насрал.

— Ну, что же — это ничего!

Пришли они на постоялый двор и легли ночевать. Только солдат заснул, баба вытащила у него котелок, разбудила сына и ушла с ним домой. Солдат проснулся, хватился — а денег нет и стал звать: «Насеру, Насеру!» А хозяин услышал и говорит:

— Служивый, ступай в нужник срать.

Солдат видит, что баба не откликается, давай звать мальчика: «Насрал, Насрал!»

А хозяин заругался:

— Экой ты, служба! Таки насрал в хате.

Взял солдата и выгнал вон.

Солдат решетит[75]

Была свадьба у богатого мужика: женил он сына; и было у него пированье великое. Обвенчали жениха с невестой и спать уложили, а наутро подняли, поздравили с законным браком, потом накрыли молодых белою простынею и стали решетить[76]: всякий кладет денег сколько может! Вот все отрешетили; остался один солдат. Старик видит, что он лежит с похмелья, и говорит:

— Что ж, служивый, встань да порешети молодых-то! Солдат встал.

— Решетить так решетить! — говорит и идет без портков, как спал, берется за решето, и прямо поднял простыню и давай решетить молодую через жопу.

— Служивый! — кричит свекор. — Ты не так решетишь!

А молодая:

— Ничего, батюшка! пускай хоть так порешетит!

Отвалял ее солдат и полез на лавку. Вот свекру досадно стало, и говорит он девкам:

— Спойте-ка солдату страшную песню!

Девки запели: «Ах ты солдат! По белу свету
волочился, а решетить не научился!»

— Ах вы, курвы! Как умел, так и решетил!

Солдат сам спит, а х...й работает

Жил-был мужик, у него была молодая хозяйка. Вот пришли в деревню солдаты и поставили к этому мужику в постояльцы одного служивого. Как легли они вечером спать все вместе: хозяйка в середине, а мужик с солдатом по краям — мужик лежит да разговаривает с женою, а солдат улучил то времечко и стал хозяйку через жопу валять. Мужик разохотился было и сам на бабу слазить и хотел ее пощупать — хватъ за п....ду рукою и поймал солдатской х...й.

— Что ты делаешь, служивый?

А солдат храпит себе, будто спит крепким сном.

— Ишь, какой служивый! — сказал мужик. — Сам спит, а х...й в п....ду направил.

— Извини, хозяин! И сам не знаю, как он туда попал!

Солдат и черт

Вышел солдат в чистую отставку и пустился на родину; а солдат-то был размычь горе [77]: какие были деньжонки, все пустил в разные стороны. Идет дорогою. «Дай, — говорит, — я с горя горилки тяпну! Продам последний ранец и развеселю ретивое». Ладно, ранец побоку и урезал [78] полштоф начисто. Пошел путем-дорогою, брякнулся спьяна наземь и стоит на четвереньках, никак не может подняться! Прибежал черт:

— Что ты делаешь, служивый?

— Сам видишь — е...у!

— А что ж у тебя х...й торчит наружу?

— Не попаду!

— Да ты кого е...ешь?

— Да кого велишь, того и стану.

Черт видит, что солдат — парень ловкий, а им таких а надо, взял его к себе. Солдат теперь живет богато — каждый день пьет горилку, курит махорку, редькой закусывает.

Беглый солдат

Беглый солдат залез ночью к одному мужику в ригу и залег на сене спать. Только стал засыпать, слышит: кто-то идет. Солдат испугался и залез под самую крышу. Вот пришла туда девка, а за нею парень; принесли с собой вина и разных закусок; поставили в угол, разделись и давай целоваться да любоваться. Парень повалил девку на сено и начал ее есть; девка подмахивает, а сама говорит:

— Ах, милой друг! Коли Бог даст, да рожу я ребенка — кто за ним присмотрит, кто его выходит?

А парень отвечает:

— Тот, кто над нами!

Как услышал эти речи солдат, не вытерпел и закричал:

— Ах вы, подлые! Вы блуд творите, а я за вас отвечать буду!

Парень тотчас вскочил с девки да бежать; девка тоже — давай, Бог, ноги! А солдат слез наземь, забрал их одежду, вино и закуски и пошел своей дорогой.

Солдат, мужик и баба

С тояли в деревне солдаты, и бабы были к ним очень привычны; дело-то, знаешь, было не без греха: хозяин на заработку[79], а хозяйка и пьет, и ест, и спит с солдатом. Вот у одного мужика была жена больно гульливая; много раз заставлял он ее и с мужиками-то, и с солдатами, а все она права оставалась. В одно время застал ее мужик с парнем в сарае: — Ну, блядь, что ты теперь станешь говорить?

А она покедова под парнем лежала — говорила:

— Виновата, мой милый друг!

А как встала да прибежала в избу — сейчас бросилась к свекрови и давай плакать. Пришел муж и говорит:

— Ну, матушка! Я людям не верил, а теперь я сам застал жену с парнем в сарае.

А баба со слезами:

— Видишь, матушка, какую терплю я напраслину!

— Ах ты, блядь проклятая! Вить я сейчас поднял тебя из-под Андрюшки!

— Врешь, подлец! Ну-ка скажи, куда я голо-

вою лежала?

Мужик задумался и сказал:

— А черт тебя знает, куда ты головой лежала!

— Вот вишь, матушка, как он врет-то на меня!

Мать накинулась на сына и давай его ругать.

— Хорошо, — говорит мужик, — я тебя, голубушку, опять скоро поймаю!

Прошло несколько времени, связалась та баба с солдатом, и пошли они вместе в сарай. Положил ее солдат на вязанку соломы и давай еть. Хозяин и подметь, пришел в сарай и захватил солдата на своей жене.

— Ах, брат служивый! Это нехорошо.

— Черт вас разберет! — отвечает солдат. — Она говорит — хорошо, а ты — нехорошо. На вас не угодишь!

— Я, брат служивый, пойду на тебя просить!

— Ну ты ступай, еще проси, а я уж выпросил.

Солдат и хохлушка

Ехал хохол с жинкою и сыном в город на волах, а кирасир[80] привязал на дороге кобылу к дереву и е...ет ее.

— Что ты, москаль, делаешь?

— Да вот казенная лошадь сплечилась[81], так лечу!

А хохлушка думает: «Верно, у него х...й большой! Ишь кобылу е...ет!» Взяла и села в телеге на грядку[82]; колесо ударилось в канаву, хохлушка упала с телеги и кричит:

— Беги скорей за солдатом, я сплечилась!

Хохол побежал, догнал солдата:

— Москаль! Будь родной отец, помоги, пожалуйста, у меня хозяйка сплечилась.

— Что делать, надо помочь твоему горю!

Воротился солдат, хохлушка лежит на земле да стонет:

— Ай, батиньки, я сплечилась.

— Есть у тебя, — спрашивает солдат хохла, — рядом[83], чем телегу накрыть?

— Есть.

— Хорошо; давай сюда!

Накрыл телегу и положил туда хохлушку.

— А есть ли у тебя хлеб-соль?

— Есть.

Солдат взял кусочек хлеба и посолил.

— Ну, хохол! Ступай, держи волов, чтобы с места не трогались.

Хохол ухватил их за рога и держит, а солдат влез на телегу и давай есть хохлушку. Сын увидал, что солдат на матери лежит, сказал:

— Тятько, а тятько! Москаль мамку е...ет.

— И то, сынок, кажись, е...! Да нет! Хлеб-соль его не попустит!

Солдат отработал и вылез из телеги; хохлушка говорит:

— Ну, спасибо, москаль! Вот тебе карбованец[84].

Хохол достал кошелек, дает ему два карбованца:

— Спасибо, москаль, что жинку вылечил!

Солдат и хохол

Стоял солдат у хохла на квартире и свел знакомство с его хозяйкою. Хохол заметил и перестал ходить на работу; все сидит дома. Солдат поднялся на выдумку, переоделся в другую одежду, приходит вечером к хате и стучится в окно. Хохлушка спрашивает:

— Кто там? А солдат отвечает:

— Бабе.

— Какой бабе?

— Какой хохлов е...е! Что, хозяин дома?

— На что тебе?

— Да вот последовал указ всех хохлов перееть! Отпирай-ка скорей двери!

Хохол испугался, не знает, куда деваться, схватил кожух, залез под лавку и укрылся тем кожухом.

Хохлушка отперла двери и впустила солдата; вошел он в хату и кричит:

— Где же хозяин?

— Его нема дома.

Солдат начал искать его на печи, на полатах и по всем углам — и, наконец, напал на хохла под лавкою.

— А это кто?

Хозяйка говорит:

— Это теля.

А хохол услышал и замычал по-телячьи.

— Ну, коли нет хозяина, так сама ложись.

— Ах, Боже мой! Нельзя ли обождать до другого раза, пока хозяин придет?

— Тебе хорошо — до другого раза! А мне надо обойтись все избы, а не обойду — так триста палок в спину. Ложись-ка скорее; мне с тобой некогда разговаривать.

Хохлушка легла, а солдат начал ее осаживать по-свойски, до того припер ей, что она аж запердела с натуги. Отвалял солдат и ушел из хаты; хохол вылез из-под лавки и говорит:

— Ну, спасибо тебе, жинка, что за меня потрудилась, у тебя две дыры: в одну прет, в другую дух идет — и то ты не утерпела да запердела, а я, кажись, совсем усрался бы! Ох, жинка, ты умна, а я еще умней: ты сказала «теля», а я и замычал по-телячьи!

Мужик и черт

Жил-был мужик. Посеял он репу. Приходит время репу рвать, а она не поспела; тут он с досады и сказал: «Чтоб черт тебя побрал!» А сам ушел с поля. Проходит месяц, жена и говорит:

— Ступай на полосу — может статься, наберешь репы.

Отправился мужик, пришел на полосу, видит: репа большая да славная уродилась, давай ее рвать. Вдруг бежит старичок и кричит на мужика:

— Зачем воруешь мою репу?

— Какая твоя?

— А как же, разве ты мне ее не отдал, когда она еще не поспела? Я старался, поливал ее!

— А я сажил.

— Не буду спорить, — сказал черт, — ты точно ее сажил, да я поливал. Давай вот что: приезжай на чем хошь сюда, и я приеду. Если ты узнаешь, на чем я приеду, — то твоя репа, если я узнаю, на чем ты приедешь, — то моя репа.

Мужик согласился. На другой день он взял

с собой жену, и подойдя к полосе, поставил ее раком, заворотил подол, воткнул ей в п...ду морковь, а волосы на голове растрепал. А черт поймал зайца, сел на него, приехал и спрашивает мужика:

— На чем я приехал?

— А что ест? — спросил мужик.

— Осину гложет.

— Так это заяц!

Стал черт узнавать. Ходил, ходил кругом и говорит:

— Волоса — это хвост, а это голова, а ест морковь!

Тут черт совсем спутался.

— Владей, — говорит, — мужик, репою!

Мужик вырыл репу, продал и стал себе жить да поживать.

Солдат и поп

Захотелось солдату попадью уеть; как быть? Нарядился во всю амуницию, взял ружье и пришел к попу на двор.

— Ну, батька! Вышел такой указ, велено всех попов перееть; подставляй свою сраку!

— Ах, служивый! Нельзя ли меня освободить?

— Вот еще выдумал! Чтоб мне за тебя досталось! Скидай-ка портки поскорей, да становись раком.

— Смилуйся, служивый! Нельзя ли вместо меня попадью уеть?

— Оно, пожалуй, можно-то можно! Да чтоб не узнали, а то беда будет! А ты, батька, что

дашь? Я меньше сотни не возьму.

— Возьми, служивый, только помоги горю.

— Ну, поди ложись в телегу, а поверх себя положи попадью, я влезу и будто тебя от...бу!

Поп лег в телегу, попадья на него, а солдат задрал ей подол и ну валять на все корки. Поп лежал-лежал, и разобрало его; х...й у попа понатужился; просунулся в дыру, сквозь телегу, и торчит, да такой красный! А попова дочь смотрела-смотрела и говорит:

— Ай да служивый! Какой у него х...й здоровенный: матку и батьку насквозь пронизал, да еще конец мотается!

Жидовка

Пошел парень на работу; увидел на дороге кабака и заехал ночевать. А тот кабак держал жид; у него была жена. Вот стемнело, и легли они спать на полу. Показалось жидовке жарко, она спросонок раскидалась и сбросила с себя все: лежит с открытой п...дой. Взяла мужика охота; он не думал долго, взлез на нее и давай валять. Жидовка думает себе, что это муж ее качает, и говорит:

— Волько, волько!

А парень отвечает:

— Какого ты черта волькаешь? Жид проснется!

Жидовка схватила его за голову, пощупала — а пейсиков нет!

— Ай вей, волько?

— И так потихоньку! — сказал парень, отработал и слез долой.

ОХОТНИК И ЛЕШИЙ

Ходил охотник по лесу, ходил-ходил и ничего не убил, нарвал орехов и грызет себе. Попадается ему навстречу дедушка леший.

— Дай, — говорит, — орешков. Он дал ему пулю. Вот леший грыз ее, грыз, никак не сладит и говорит:

— Я не разгрызу!

Охотник ему:

— Да ты выхолощен или нет?

— Нет!

— То-то и есть! Давай я тебя охолощу, так и станешь грызть орехи.

Леший согласился. Охотник взял защемил ему х...й и муди между осинами.

— Пусти, — кричит леший, — пусти! Не хочу твоих орехов!

— Врешь, будешь грызть!

Вырезал ему яйца, выпустил и дал заправский орех. Леший разгрыз.

— Ну вот, ведь я сказывал, что будешь грызть!

Пошел охотник в одну сторону, а леший в другую сторону и грозит ему:

— Ну, ладно! Придешь овин сушить, я сыграю с тобою штуку!

Пришел охотник домой, сел на лавку и говорит:

— Ох, жена! Я устал, поди-ка ты овин сушить.

Баба пошла в овин, развела огонь и легла у стенки. Вот приходят два лесовика[85] и говорят промеж себя:

— Давай-ка зажжем овин!

— Нет, давай наперво посмотрим, такова ли у него рана, какую он у тебя сделал.

Посмотрели.

— Ну, брат! У него еще больше твоей; видишь, как рассажена — больше шапки, да какая красная!

И пошли они прочь — в свой лес.

Хитрая баба[86]

Жил-был мещанин, у него была пригожая жена. Жили они и прожились[87]. И говорит жена мужу:

— Надо нам с тобой поправиться, чтоб было чем свои головы прокормить.

— А как поправиться?

— Уж я придумала, только не ругай меня.

— Ну, делай, коли придумала.

— Спрячься-ка, — говорит жена, — да выжидай. Я найду и приведу к себе гостя, ты и застучи: тут мы дело и обделаем.

— Ну, хорошо.

Вот взяла она короб, насыпала сажею и поставила на полатях; мужа спрятала, а сама набелилась, нарумянилась, убралася и вышла на улицу, да и села подле окошечка — такая наряженная! Немного погода едет мимо верхом на лошади поп; подъехал близко и говорит:

— Что, молодушка, нарядилася, али у тебя праздник какой?

— Какой праздник! С горя нарядилася: теперь я одна дома.

— А муж где?

— На работу уехал.

— Что ж, голубушка, твоему горю пособить можно; пусти-ка меня к себе в гости, так и не будешь одна ночь коротать!

— Милости просим, батюшка!

— Куда ж лошадь девать-то?

— Веди на двор; я велю батраку прибрать ее.

Вот вошли они вдвоем в избу.

— Как же, голубушка, надо наперед выпить; вот целковый, посылай за вином.

Принес батрак им целый штоф водки; они выпили и закусили.

— Ну, теперь пора и спать ложиться, — говорит поп, — поваляемся да и пое...емся немножко!

— Послушай, батька! Коли грешить, так грешить: раздевайся догола — так веселее!

Поп разделся донага и только улегся на кровать, как муж застучит шибко-нашибко.

А жена кричит:

— Ох, беда моя! Муж воротился! Полезай, батюшка, на полати и спрячься в короб.

Поп как был голый, так и вскочил в короб

и улегся в сажу. А муж идет в избу да ругается:

— Что ты, мать твою разэдак, дверь долго не отворяешь?

Подошел к столу, выпил водки стакан и закусил; вышел потом из избы и опять спрятался, а жена поскорей на улицу и села под окошечком. Едет мимо дьякон. С ним то же случилось. Как застучал муж, дьякон, раздетый догола, чебурах в короб с сажею и прямо попал на попа.

— Кто тут?

— Это я, — говорит поп шепотом. — А ты, свет, кто?

— Я, батюшка, дьякон.

— Да как ты сюда попал?

— А ты, батюшка, как?

— Уж молчи, чтоб хозяин не услышал, а то беда будет!

Потом таким же образом заманила к себе хозяйка и дьячка.

Очутился и он в коробе с сажею, ощупал руками попа и дьякона:

— Кто здесь?

— Это мы, я и отец дьякон, — говорит

поп, — а ты, кажись, дьячок?

— Точно так, батюшка!

Наконец, пошла хозяйка на улицу и звонаря заманила. Звонарь только разделся, как раздался шум и стук; он бултых в короб:

— Кто тут?

— Это я, свет, с отцом дьяконом и дьячком, а ты, кажись, звонарь?

— Так точно, батюшка!

— Ну, свет, теперь весь причет церковный собрался!

Муж вошел и говорит жене:

— Нет ли у нас сажи продажной? Спрашивают, купить хотят.

— Пожалуй, продавай, — говорит жена, — на полатях целой короб стоит.

Взял он его с батраком, взвалил этот короб на телегу, и повезли по большой дороге. Едет барин.

— Сворачивай! — кричит во всю глотку.

— Нельзя, у меня черти на возу!

— А покажи, — говорит барин.

— Дай пятьсот рублей.

— Что так дорого?

— Да коли открою короб, только и видели

их — сейчас уйдут!

Дал ему барин пятьсот рублей; как открыл он короб — как повыскочил оттуда весь причет церковный да во всю прыть бежать — настоящие черти, измазанные да черные!

Битье об заклад

Жил поп, содержал на большой дороге постоялый двор. Идучи с заработков, заходили к нему ночевать и обедать всякие мужики. Вот разговорился раз поп с одним парнем:

— Что, свет, хороша ль работа была? Много ль денег заработал?

— Сот пяток несु домой.

— Это доброе дело, свет! Давай-ка с тобой поспорим да об заклад побьемся на эти пять сотен: коли выиграешь, будет у тебя целая тысяча.

— О чем нам с тобой спорить-то?

— А вот что: живи у меня сутки, пей, ешь, что твоей душе угодно, только до ветру не ходи; вытерпишь — твое счастье, а не вытерпишь — мое!

— Изволь, батька!

И ударились об заклад. Поп сейчас поставил на стол всякого кушанья и вина; парень давай уписывать, нажрался и напился до того, что вздохнуть не вмоготу. Запер его поп в особую горницу. Только дня еще не прошло, а мужику захотелось срать — невтерпеж при-

шло.

— Что делать, — говорит он попу, — отопри, батька, проспорил!

Поп обобрал с него деньги и отпустил домой начистоту. Понравилось попу огребать денежки, надул еще двух-трех мужиков таким же манером. Прошел о нем слух по деревням и селам, и выискался один хватюга[88]. Шел он домой с работы, а денег у него в кошелеке-то меньше гроша. Пришел к попу ночевать.

— Откуда идешь? — спрашивает поп.

— В работниках жил, теперь иду домой.

— А много ль денег домой несешь?

— Тысячи полторы будет.

Поп как услышал, чуть не подскочил от радости.

— Давай, — говорит, — об заклад биться. Ешь и пей ты у меня, что душе угодно, только до ветру не ходи целые сутки. Вытерпишь — я плачу тебе полторы тысячи, а не вытерпишь — ты мне заплатишь. Хочешь?

— Давай, батька!

Уселся мужик и давай угощаться: поп не успеваешь носить кушаньев да вина подли-

вать — так все и прибирает. Нажрался, напился и спать повалился. Поп его и запер накрепко. Ночью проснулся мужик, и так захотелось ему до ветру, что, кажись, последнюю калитку ломает — туго приходит! Мужик увидел: на гвозде висит большая попова шапка, снял ее, навалил в нее больше половины и опять повесил на стену, а сам улегся спать.

Прошли сутки, мужик давай стучать: «Отпирай, батько!» Поп отпер, осмотрел везде — нигде не видать насранного. Тут мужик и прижал попа: подавай денежки! Поп морщится, а делать нечего, заплатил ему деньги и спрашивает:

— Как тебя, проклятый, зовут-то? Николи тебя пущать не буду.

— Меня зовут Какофием, батько! — отвечал мужик; взял денежки и ушел.

Остался поп один и раздумал: жалко стало ему денег. «Пойду, с горя лошадей посмотрю». Схватил со стены шапку и напялил на голову; говно и потекло оттуда по голове на шею ему и на плечи. Поп еще пуще взбесился, выскочил на двор, сел верхом на лошадь и погнал по большой дороге, а навстречу ему извозчи-

ки едут. Поп и спрашивает:

— Не видали ль, ребята, Какофья?

— Батька, каков ты? Неча сказать, хорош!

Кто тебя так славно изукрасил-то?

С тем поп и воротился.

Архиерейский ответ

Жили-были генерал да архиерей; случилось им быть на беседе. Стал генерал архиерея спрашивать:

— Ваше Преосвященство! Мы люди грешные, не можем без греха жить, не еть; а как же вы терпите, во всю жизнь не согрешите?

Архиерей отвечает:

— Пришлите ко мне за ответом завтра.

На другой день генерал и говорит своему лакею:

— Поди к архиерею, попроси у него ответа.

Лакей пришел к архиерею, доложил о нем послушник.

— Пусть постоит, — сказал архиерей.

Вот стоял лакей час, другой и третий — нет ответа. Просит послушника:

— Скажи опять Владыке.

— Пусть еще постоит! — отвечал архиерей.

Лакей долго стоял, не вытерпел — лег да тут же и заснул и проспал до утра. Поутру воротился к генералу и рассказывает:

— Продержал до утра, а ответа никакого не дал.

— Опять, — говорит генерал, — сходи к нему да непременно попроси ответа.

Пошел лакей, приходит к архиерею, тот его позвал к себе в келью и спрашивает:

— Ты вчера у меня стоял?

— Стоял.

— А потом лег и заснул?

— Лег да заснул.

— Ну, так и у меня х...й встанет — постоит, постоит, потом опустится и уснет. Так и скажи генералу.

Смех и горе

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был поп; жил он над рекою и содержал на ней перевоз. Приходит к реке один раз бурлак и кричит с другого берега:

— Эй, батька, перевези меня!

— А заплатишь, свет, за перевоз?

— Заплатил бы, да денег нету!

— А нету, так и перевозить не стану. — Доли перевезешь, батька, я покажу тебе за то смех и горе.

Поп задумался, захотелось ему увидеть смех и горе. «Про что такое, — думает он себе, — говорил сейчас бурлак?» Вот он сел в лодку и поехал на тот берег, посадил с собой бурлака и перевез на свою сторону.

— Ну, батька, ворочай лодку вверх дном! — сказал бурлак.

Поп перевернул лодку вверх дном и ждет себе, что будет?

Бурлак вынул из порток свой молодецкий х...й и как ударит по дну — так лодка и развалилась надвое. Поп увидал такой — заправский х...й — и рассмеялся; а после как разду-

мался о своей расколотой лодке — так стало ему жалко, что даже заплакал с горя.

— Что доволен мною, батька? — спрашивает бурлак.

— Шут с тобой! Ступай куда идешь!

Бурлак простился с попом и пошел своей дорогой, а поп воротился домой. Только перешагнув через порог в избу — вспомнил о бурлаковом х...е и засмеялся, а там вздумал о лодке — и заплакал.

— Что, батька, с тобою сделалось? — спрашивает попадья.

— Ты не знаешь, матка, моего горя!

И сдуру рассказал ей обо всем, что с ним случилось. Как услышала попадья про бурлака, сейчас напустилась на своего батьку:

— Ах ты, старой черт! Зачем ты его от себя отпустил! Зачем домой не привел? Вить это не бурлак, это мой брат родной! Верно, родители послали его нас с тобою проведать, а ты нет того, чтоб догадаться... запрягай-ка скорее лошадь да гони за ним, а то он, бедный, блудить станет и, пожалуй, домой воротится, нас не выдавши. Я хоть на него, голубчика, посмотрю да про родителей расспрошу!

Поп запряг лошадь и погнал за мужиком; нагнал его и говорит:

— Послушай, добрый человек! Что ж ты мне не сказался: вить ты моей попадье родной брат. Как рассказал ей про твою удасть, она сейчас тебя признала и приказала тебя воротить.

Бурлак сейчас догадался, к чему дело клонится.

— Да, — говорит, — это правда: я твоей попадье родной брат, да тебя, батюшка, прежде никогда я не видал, а потому самому и признать тебя не умел!

Поп схватил его за руку и тащит на телегу:

— Садись, свет, садись! Поедем к нам. Мы с маткою, слава Богу, живем в довольствии и благополучии, есть чем тебя употчевать.

Привез бурлака; попадья сейчас выбежала к нему навстречу, бросилась бурлаку на шею и целует его.

— Ах, братец любезный, как давно тебя не видала, ну что, как наши-то поживают?

— По-старому, сестрица! Меня послали тебя проведать.

— Ну и мы, братец, покудова Бог грехи тер-

пит, живем помаленьку.

Посадила его попадья за стол, наставила перед ним разных закусок, яичницу и водки, и ну угощать:

— Кушай, любезный братец!

Начали они все трое есть, пить и веселиться до самой ночи, а как стало темно, постлала попадья постель и говорит попу:

— Мы с братцем вот здесь ляжем да поговорим про наших родителей: кто жив и кто помер, а ты, батька, ложись один на казенке али на полатях.

Вот полегли спать; бурлак взлез на попадью и начал ее попирать своим х...ищем так, что она не утерпела — на всю избу завизжала. Поп услышал и спрашивает:

— Что там такое?

— Эх, батька, ты не знаешь моего горя: мой отец помер.

— Ну, царство ему небесное, — сказал поп и перекрестился.

А попадья опять не выдержала да в другой раз еще пуще того завизжала. Поп опять спрашивает:

— О чем еще плачешь?

— Эх, батька, вить и мать-то моя померла!

— Царство ей небесное! Со святыми упокой!

Так-то вся ночь у них и прошла.

Поутру бурлак стал домой собираться, а попадья ну его угощать на прощанье и вином-то, и пирогами, так и суетится около него:

— Ну, братец любезный! Коли опять будешь в этой стороне, завсегда к нам заходи!

А поп вторит:

— Не обходи нас; мы тебе всегда рады!

Попрощался с ними бурлак, попадья вызвалась провожать братца, а за ней и поп пошел. Идут да разговаривают; вот уже и поле. Попадья говорит попу:

— Воротись-ка, батька, домой, что тебе идти, я и одна теперича провожу братца.

Поп воротился; прошел шагов с тридцать, остановился и глядит: далеко ль они ушли?

А бурлак тем временем повалил матку на пригорок, взлез на нее и ну отжаривать на прощанье; а чтобы ловчей надуть попа, надел ей на правую ногу свою шапку и велел задрать ногу-то кверху. Вот еб... ее, а попадья то и дело ногой да шапкой качает. Поп стоит да смотрит. «Вишь, — говорит сам себе, — какой родственный человек-то: далеко ушел, а все кланяется да шапкой мне махает!» Взял да скинул с себя шапку и давай кланяться: «Прощай, шурин, прощай!»

Отвалял бурлак попадью, да так ее утешил, что три дня под подол заглядывала; догоняет она попа, а сама с радости песни поет. «Сколько лет с ней живу, — сказал поп, — а доселева не слыхал от нее песен!»

— Ну, батька, — говорит попадья, — проводила я братца любезного, придется ли еще поглядеться с ним в другой раз!

— Бог не без милости! Авось придет!

Добрый поп

Жил-был поп. Нанял себе работника, привел его домой:

— Ну, работник, служи хорошенько, я тебя не оставлю.

Пожил работник с неделю, настал сенокос.

— Ну, свет! — говорит поп, — Бог даст, переночуем благополучно, дождемся утра и пойдем завтра косить сено.

— Хорошо, батюшка!

Дождались они утра, встали рано. Поп и говорит попадье:

— Давай-ка нам, матка, завтракать, мы пойдем на поле косить сено.

Попадья собрала на стол. Сели они вдвоем и позавтракали порядком. Поп говорит работнику:

— Давай, свет, мы и пообедаем за один раз и будем косить до самого полдника без роздыху.

— Как вам угодно, батюшка, пожалуй, пообедаем.

— Подавай, матка, на стол обедать, — приказал поп жене.

Она подала им и обедать. Они по ложке, подругой хлебнули — и сыты. Поп говорит работнику:

— Давай, свет, за одним столом и пополу-
днуем и будем косить до самого ужина.

— Как вам угодно, батюшка, полудновать,
так полудновать.

Попадья подала ка стол полдник. Они
опять хлебнули по ложке, по другой — и сы-
ты.

— Заравно, свет, — говорит поп работни-
ку, — давай заодно и поужинаем и заночуем
на поле. Завтра раньше ка работу поспеем.

— Давай, батюшка.

Попадья подала им ужинать. Они хлебну-
ли раз-два и встали из-за стола. Работник
схватил свой армяк и собирается вон.

— Куда ты, свет? — спрашивает поп.

— Как куда? Сами вы, батюшка, знаете, что
после ужина надо спать ложиться.

Пошел в сарай и проспал до света. С тех
пор перестал поп угощать работника за один
раз завтраком, обедом, полдником и ужином.

Поп ржет, как жеребец

В некотором селе жил-был поп, великий охотник до молодых баб: как только увидит, бывало, в окно, что мимо двора его идет молодка, сейчас высунет голову и заржет по-жеребьячьи. В том же селе жил один мужик, у которого жена была очень хороша собой. И ходила она каждый день за водою мимо поповского двора; а поп только усмотрит ее — сейчас высунет в окно голову и заржет! Вот баба пришла домой и спрашивает у мужика:

— Муженек! скажи, пожалуйста, отчего это: иду я за водой мимо попова двора, а поп на всю улицу ржет по-жеребьячьи!

— Эх, дура баба! Это он тебя любить хочет! А ты смотри, как пойдешь за водой и станет поп ржать по-жеребьячьи: иго-го — ты ему и сама заржи тонким голосом: иги-ги! Он к тебе сейчас выскочит и попросится ночевать с тобой; ты его и замани; вот мы попа-то и обрабатываем; пусть не ржет по-жеребьячьи!

Взяла баба ведра и пошла за водой. Поп увидал ее из окошка и заржал ка всю улицу: иго-го! иго-го! А баба в ответ ему заржала:

иги-ги! иги-ги! Поп вскочил, надел подрясник, выбежал из избы и к бабе:

— Что, Марьюшка! Нельзя ли того?..

— Можно, батька! Вот муж собирается в город ка ярмарку, только лошадей нигде не добудет.

— Ты давно б сказала! Присылай его ко мне — я дам свою пару лошадей и с повозкой: пусть себе едет!

Воротилась баба домой и говорит мужу: так и так, бери у попа лошадей. Мужик сейчас собрался и прямо к попу, а поп давно его ждет.

— Сделайте милость, батюшка, дайте пару лошадок на ярмарку съездить.

— Изволь, изволь, свет.

Запряг мужик поповых лошадей в повозку, приехал домой и говорит жене:

— Ну, хозяйка! Я выйду за деревню, постою немножко, да и назад. Пусть поп приходит к тебе гулять, а как я ворочусь да постучу в ворота, он испугается и станет спрашивать: где бы спрятаться? Ты и спрячь его в этот сундук, что с голлан(д)ской сажей стоит; слышь?

— Ладно!

Сел мужик в повозку и поехал за деревню; поп увидал и сейчас бросился к бабе:

— Здравствуй, Марьюшка!

— Здравствуй, батюшка! Теперь нам своя воля — погуляем! Садись-ка за стол да выпей водочки.

Поп выпил рюмочку, и не терпится ему; поскидал с себя рясу, и сапоги, и портки — собирается на постель ложиться; вдруг как застучит у ворот. Поп испугался и спрашивает:

— Кто это, Марьюшка, стучится?

— Ах, батька! Ведь это мой муж домой приехал, кажись, что-то позабыл!

— Куда же мне-то, свет, спрятаться?

— А вот порожний сундук стоит в углу, полезай туда!

Поп полез в сундук и прямо попал в сажу; улегся там, еле дышит; баба сейчас закрыла его крышкой и заперла на замок. Вошел мужик в избу. Жена и спрашивает:

— Что воротился?

— Да позабыл захватить сундук с сажею; авось на ярмарке-то купят! Пособи-ка на повозку снести.

Подняли они вдвоем сундук с попом и по-

тащили из избы.

— Отчего он такой тяжелый? — говорит хозяин. — Кажись, совсем порожний, а тяжел!

А сам тащит-тащит, да нарочно об стену или об дверь и стукнет; поп катается в сундуке и думает: «Ну, попал в добрый капкан!» Втащили на повозку; мужик сел на сундук и поехал на поповых лошадях в город; выехал ка дорогу, как стал кнутом помахивать да коней постегивать — помчались они во весь дух! Вот едет ему навстречу барин и говорит лакею:

— Поди, останови этого мужика да спроси, куда так шибко гонит?

Лакей подбежал и кричит:

— Эй, мужичок! Постой! Постой!

Мужик остановился.

— Барин велел спросить, что так шибко гонишь?

— Да чертей ловлю, оттого шибко и гоню.

— Что ж, мужичок, поймал хоть одного?

— Одного-то поймал, а за другим гнался, да вот ты помешал! Теперь за ним не угонишься.

Лакей рассказал про то барину: так и так,

одного черта мужик поймал! Барин сейчас к мужику:

— Покажи, братец, мне черта; я сроду их не видывал!

— Дашь, барин, сто рублей — покажу.

— Хорошо, — сказал барин.

Взял мужик с барина сто рублей. Открыл сундук и показывает, а в сундуке сидит поп-весь избитый да вымазанный в саже, с рас-трепанными патлами!

— Ах, какой страшной! — сказал барин. — Как есть черт! Волосы длинные, рожа черная, глаза так и выпучил!

Потом мужик запер своего черта и опять поскакал в город. Приехал ка площадь, где была ярмарка, и остановился.

— Что, мужик, продаешь? — спрашивают его.

— Черта, — отвечает он.

— А что просишь?

— Тысячу рублей.

— А меньше как?

— Нечего меньше! Одно слово — тысячу рублей.

Тут собралось около мужика столько наро-

ду, что яблоку упасть негде! Пришли двое богатых купцов, протолкались кое-как к повозке:

— Мужик, продай черта!

— Купите.

— Ну, что цена будет?

— Тысяча рублей, да и то за одного черта — без сундука; сундук-то мне нужен: коли еще поймаю черта, чтоб было куда посадить.

Купцы сложились и дали ему тысячу.

— Извольте получить! — говорит мужик; открыл сундук — поп как выскочит, да бежать! Прямо в толпу бросился, а народ как шарахнет от него в разные стороны... так поп и убежал!

— Экой черт! К эдакому коли попадешься, совсем пропадешь, — говорят купцы промеж себя.

А мужик воротился домой и отвел к попу лошадей: спасибо, говорит, батюшка, за повозку — славно торговал; тысячу рубликов зашиб. После того баба его пошла за водой, мимо попова двора, увидала попа и ну ржать: ги-ги-ги! «Ну, мать твою так! — сказал поп, — муж твой славно меня угигикал!» С тех пор

перестал поп ржать по-жеребьячи.

Поповская семья и батрак

В некотором царстве, в нашем государстве жил-был поп с попадъей, у него было три дочери да батрак. Вот этот батрак и задумал: как бы подобраться к поповым дочерям. Попросить-то прямо не смел; дождался он праздника, взял с собою котелок и пошел в сарай, налил в котелок воды, разложил огонь и давай кипятить воду. Поп воротился от обедни и сел обедать с женою и дочерьми да и спрашивает:

— А где же батрак?

— В сарае, — говорит попадья, — что-то все утро работает.

— Что вы, безбожницы, послали его работать— эдакий нынче праздник! Или в вас Бога-то нет?

— Мы его не усылали; он сам пошел.

— Ступай, — сказал поп старшей дочери, — сходи за ним, чтобы шел обедать.

Поповна побежала в сарай; прибежала и спрашивает:

— Что ты, батрак, варишь?

— Сладь!

— Дай-ка хлебнуть!

— А дай е...нуть!

Поповна заворотила подол, а батрак и ну ее талить; отделал и дал хлебнуть. Она хлебнула.

— Вода как вода, — говорит и ушла назад.

Приходит в избу, поп спрашивает ее:

— Что ж батрак нейдет?

— Что-то работает!

— Дура! Ведь я сказал, чтобы все бросил да шел обедать.

— Поди ты, — говорит поп средней дочери, — гони его сюда!

Побежала средняя дочь и спросила:

— Что ты, батрак, варишь?

— Сладь!

— Дай мне хлебнуть!

— Дай-ка раз е...нуть!

Тут он и эту отвалял и дал после хлебнуть.

— Как есть вода! — говорит поповна и убежала назад.

— Что ж батрак? — спрашивает поп.

— Нейдет, что-то все возится!

Послал поп меньшую дочь. Пришла она в сарай и тоже спросила:

— Батрак! Что ты варишь?

— Сладь!

— Дай-ка мне хлебнуть!

— Дай разок е...нуть!

Поповна дала ему разок, хлебнула воды и ушла в избу. Поп осердился и говорит:

— Все вы дурищи! Поди ты, попадья! Зови его, чтоб сейчас шел!

Пришла попадья в сарай:

— Что ты, батрак, варишь?

— Сладь!

— Дай отведать — хоть раз хлебнуть!

— Дай е...нуть!

Попадья было заартачилась; а он так, даром, не дает попробовать сладости; но уж ей очень захотелось узнать, что такое там варится, попадья и дала ему е...нуть, а потом хлебнула водицы.

— Ну что, хороша, матушка, моя сладь?

Вылили вместе воду и пошли обедать.

— Что ты, дурак, долго не шел; ныне грешно работать! — сказал поп.

Стали обедать, вот подали пирог, поп разрезал его и раздал всем по куску. Попадья отдает свою долю батраку:

— На тебе, батрак, мою долю за давешнее!
Глядя на мать, и поповны стали отдавать батраку свои куски:

— На тебе, батрак, за давешнее!
Поп глядел-глядел, да и сам туда ж:
— На тебе, батрак, и мою долю за давешнее!

— Да разве тебя батрак пежил? — спросила его попадья.

— А вас разве пежил?
Попадья и поповны в один голос так и заголосили:

— Как же! Нас пежил!
Поп рассердился и согнал батрака со двора.

Поп и батрак[89]

Жил поп с попадьею; у них были две дочери. Нанял поп работника; дождался весны, сам поехал на богомолье, а работнику приказывает:

— Смотри, свет, к моему приезду чтоб ты весь огород вскопал и гряды поделал.

— Слушаю, батюшка! Вот батрак кое-как вскопал огород колом, да все время и прогулял. Воротился поп, вошел с попадьею на огород, видит — ничего не сделано.

— Эх ты, свет! Ужель не знаешь, как огороды копают?

— То-то и оно, что не знаю! Коли б знал — так бы и сделал.

— Ну, свет, ступай в горницу, спроси у дочерей, чтоб дали тебе железную лопатку; я тебе покажу, как копать-то.

Батрак побежал в горницу прямо к дочерям:

— Ну, барышни, батюшка приказал вам, чтоб вы обе мне дали.

— Чего?

— Сами знаете чего — поеть!

Поповны на него заругались.

— Нечего тут ругаться-то! Батюшка велел, чтобы скорей меня отпустили: надо гряды копать. Коли не верите, сами у него спросите.

Одна сестра сейчас выбежала на крыльцо и кричит:

— Батюшка! Вы приказали дать работнику?

— Дайте ему поскорее; что вы его там держите!

— Ну, сестрица, — говорит воротившаяся поповна, — нечего делать — надо ему дать: батюшка приказал.

Тут они обе легли, и работник лихо их отмахал. После того схватил в сенях лопату и побежал к батьке на огород. Поп показал ему, как копать гряды, а сам с попадьей пошел в горницу; смотрит, а дочери плачут.

— О чем вы плачете?

— Как нам не плакать, батюшка! Сам же ты велел работнику над нами насмеяться.

— Как насмеяться?

— Да вить ты велел, чтобы мы ему дали!

— Ну что ж? Я велел дать ему лопату.

— Какую лопату? Он нас обоих перепор-

тил, невинность нашу нарушил.

Поп как услышал это, сильно рассердился; схватил кол и прямо на огород. Батрак видит, что поп с колом бежит к нему не с добром: бросил лопату и давай Бог ноги от попа бежать. Поп за ним, а батрак шибче, так и укрылся с бабкиных глаз.

Пошел поп отыскивать своего батрака. Идет, а навстречу ему мужичок.

— Здравствуй, свет!

— Здравствуй, батюшка!

— Не попадался ли тебе навстречу мой работник?

— Не знаю, какой-то парень пробежал бойко.

— Это он самый и есть! Пойдем, мужичок, со мною, пособи мне его отыскать; я тебе за то заплачу.

Вот пошли они вместе; прошли немного, повстречался им цыган.

— Здравствуй, цыган! — говорит поп.

— Здоров бул, батенька!

— Что, не попадался ли тебе навстречу какой парень?

— А, батенька, какой-то проскочил мимо.

— Это он самый и есть! Пособи нам отыскать его; я тебе заплачу за это.

— Изволь, батенька!

Пошли они втроем. А батрак прибежал в деревню, надел на себя другую одежду и сам идет попу навстречу. Поп не узнал его и стал спрашивать:

— Что, свет, не видал ли ты какого мужика по дороге?

— Видал, в деревню побежал.

— Ну, брат, пособи нам его найти.

— Извольте, батюшка.

Пошли все четверо искать попова батрака, пришли в деревню, ходили-ходили до самого вечера: нет толку. Стало темно. Где бы переночевать? Вот приходят они к одной избе, в которой вдова жила; стали проситься на ночлег.

Вдова отвечает:

— Добрые люди! У меня эту ночь потоп будет! Пожалуй, еще потонете.

Но сколько она ни отказывалась — не могла отказаться и впустила их на ночь. А к ней в эту ночь обещался прийти любовник. Вот взошли они в избу и легли спать. Поп думает:

«Что, коли в самом деле будет потоп?» Взял большое корыто, поставил на полку и лег в корыте: коли будет потоп, думает себе, так я стану в корыте по воде плавать. Цыган лег на шестке, головой в золу[90]; мужик лег за столом на лавке, а попов работник у самого окна на скамье. Улеглись они и уснули все крепким сном; один попов работник не спит, и слышит он, что под окошко подошел хозяин-любовник и стучится: «Отопри, душенька!» Работник встал, отворил и тихонько говорит ему:

— Ах, миленькой мой! Ты пришел не вовремя. Теперича у меня ночуют чужие люди в доме; приходи на ту ночь.[91]

— Ну, миленькая! — говорит любовник. — Нагнись в окошко, хоть мы с тобой поцелуемся!

Работник поворотился к окну жопой и высунул свою сраку; любовник и поцеловал ее всласть.

— Ну прощай, миленькая! Будь здорова; на ту ночь приду к тебе.

— Приходи, душа! Я стану дожидаться, а на прощанье дай, миленькой, свой х...й — мне

хоть в руках его подержать: все как будто будет повеселее.

Вот он вывалил из штанов на окно свой кляп:

— На, милая, полюбуйся!

А батрак взял тот кляп в руки, побаловал-побаловал, вынул нож из кармана и отхватил у него х...й вместе с мудями; любовник закричал благим матом — и без памяти домой. Работник затворил окно, сидит себе на лавке и чавкает ртом, будто что ест. Мужик услышал, проснулся и спрашивает:

— Что ты, брат, ешь?

— Да вот нашел на столе кусок колбасы, только никак не угрызу: такая сырая!

— Даром, брат, что сырая. Дай-ка мне кусочек попробовать.

— Э, брат, мне и самому мало! Да, пожалуй, на тебе один конец.

И отдал мужику отрезанный х... й. Мужик с голодухи начал его жевать: грыз-грыз, никак не может откусить и говорит:

— Что, брат, с нею делать? Никак не угрызешь; эдакая сырая!

— Ну ты положи колбасу в печь; пускай

поджарится, тогда ты и съешь.

Мужик встал, подошел к печке и сунул колбасу прямое на цыганские зубы; подержал, подержал и стал пробовать:

— Нет, ничего колбаса не упарилась! Ее и огонь не берет.

— Да полно тебе с нею-то возиться; еще, пожалуй, хозяйка услышит — забранится. Небось в печке-то огонь весь разгреб; залей его водою, чтоб хозяйка не узнала.

— Да где воды-то искать?

— Ну посы туда! Чем на двор идти, лучше огонь залей.

Мужику крепко хотелось спать, и зачал он прямо цыгану в рожу ссать. Как почувал цыган, что откуда-то вода льет ему прямо в рот, подумал: пришел-де потоп и стал кричать во все горло: «Ай, батенька, потоп!»

Поп услышал голос цыгана и захотел спр-сонок прямо на корыте спуститься на воду. Да как шлепнется об пол — все ребра себе поломал.

— О Боже мой! — кричит поп, — когда падает малой ребенок, Бог подставляет под него подушку, а как старому придется упасть —

так черт борону подставит. Вот теперича я
весь раз-ля! Не найти мне, верно, разбойни-
ка моего батрака.

А работник:

— И не ищи лучше; ступай-ка с Богом до-
мой — будет здоровее!

Поп, попадья, поповна и батрак

Собрался поп нанимать себе работника, а попадья ему и приказывает:

— Смотри, поп, не нанимай похабника; у нас дочь невеста!

— Хорошо, мать! Не найму похабника. По-ехал поп, едет себе путем-дорогою, вдруг попадается ему навстречу молодой парень, идет пешком-шажком.

— Здравствуй, батька!

— Здравствуй, свет! Куда Бог несет?

— Хочу, батька, в работники наниматься.

— А я, свет, еду искать работника; наймись ко мне.

— Изволь, батька!

— Только с тем уговором, свет, чтоб по-сромски[92] не ругаться.

— Я, батька, отродясь не слыхивал, как и ругаются-то!

— Ну, садись со мной; мне такого и надо.

А поп ехал на кобыле; вот он поднял ей хвост и указывает кнутовищем на кобылью

П...ду.

— А это что, свет?

— П...да, батька!

— Ну, свет, мне эдаких похабников не надо; ступай, куда хочешь!

Парень видит, что дал маху, делать нечего, слез с телеги и стал раздумывать, как бы ухитриться да надуть попа. Вот он обогнал попа стороною, забежал вперед, шубу свою выворотил и опять идет навстречу:

— Здравствуй, батька!

— Здравствуй, свет!

— Куда Бог несет?

— Да вот, батька, иду наниматься в работники.

— А я, свет, ищу себе работника; иди ко мне жить, только с уговором: не ругаться по-соромски; кто из нас выругается по-соромски, с того сто рублей! Хочешь?

— Изволь, батька, я и сам терпеть не могу таких ругателей!

— Ну, хорошо! Садись, свет, со мною.

Парень сел, и поехали вместе в деревню.

Вот поп отъехал маленько, поднял у кобылы хвост и показывает кнутовищем на п...ду:

— Это, свет, что такое?

— Это тюрьма, батька!

— Ай, свет, я такого и искал себе работника.

Приехал поп домой, вошел с батраком в избу, задрал у попадьи подол, показывает на п...ду пальцем:

— А это что, свет?

— Не знаю, батюшка! Я сроду не видывал такой страсти!

— Не робей, свет! Это тоже тюрьма.

Потом кликнул свою дочь, заворотил ей подол, показывает на п...ду:

— А это что?

— Тюрьма, батюшка!

— Нет, свет! Это подтюрюмок.

Поужинали и легли спать: батрак взлез на печь, собрал поповы носки, надел их на х...й обеими руками и закричал во все горло:

— Батька! Я вора поймал! Дуй скорей огня.

Поп вскочил, бегаёт по избе, словно бешеный.

— Не пускай его, держи его! — кричит батраку.

— Небошь, не вывернется.

Поп вздул[93] огонь, полез на печь и видит: батрак держится руками за х...й, а на х...й надеты носки.

— Вот он, батюшка, бишь, все носки твои заграбастал; надо наказать его, мошенника!

— Что ты, с ума, что ли, спятил? — спрашивает поп.

— Нет, батька, я не люблю вора́м потачку давать[94]; вставай, мать! Давай-ка его, мошенника, в тюрьму сажать.

Попадья встала, а батрак ей:

— Становись-ка скорей раком!

Делать нечего, стала попадья раком, батрак и зачал ее осаживать. Поп видит, дело плохо, и говорит:

— Что ты, свет, делаешь? Ведь ты е...ешь!

— А, батька! Уговор-то был по-соромски не ругаться; заплати-ка сто рублей!

Пришлось попу раскошелиться; а работник оть...б попадью, держит х...й в руках да свое кричит:

— Этого тебе, каналья, мало, что ты в тюрьме сидел, еще в подтюремок посажу тебя! Ну-ка, голубушка, — говорит поповне, — отвори подтюремок!

Поставил и ее раком да зачал осаживать по-своему. Попадья накинулась на попа:

— Что ты смотришь, батька! Ведь он нашу дочь е...ет!

— Молчи, — говорит ей поп, — за тебя заплатил сто рублей, не прикажешь ли заплатить и за нее столько же! Нет, пускай делает что хочет, а я ничего говорить не стану!

Отработал батрак поповну как нельзя лучше. Тут поп и прогнал его из дому.

Поп и мужик[95]

Жил мужик с женою. Только ему пришла нужда ехать в Москву; что делать: жена беременна, а ехать надо.

— Ладно, — говорит он жене, — я поеду в Москву, а ты живи без меня поскромнее да повоздержаннее.

Сказал и уехал. А дело-то было великим постом. Баба говела и пошла к попу на дух. Баба-то была собой хороша. Вот поп ее на духу и спрашивает:

— Отчего у тебя брюхо велико?

— Согрешила, батюшка, жила с мужем, сделалась тяжела, а теперича он в Москву уехал.

— Как в Москву?

— Да, батюшка.

— А долго ль проездит?

— Почти с год.

— Ах он, мошенник, заделал ребенка и недоделал; вить это смертный грех! Делать нечего: я твой отец духовный и должен тебе доделать, а за хлопоты приноси-ка три холста!

— Сделай божескую милость, — просит баба, — избавь от смертного греха, доделай, а ему, мошеннику, как приедет из Москвы, все глаза выцарапаю!

— Ну, свет, рад послужить тебе; а то грешно, коли до его приезда станешь носить младенца!

Так дело-то и обделалось.

А поп был женатый, и у него были две дочери; вот он и боится, как бы попадья про его шашни не узнала. Хорошо. Приехал мужик из Москвы, а жена его уж давно родила; только что входит он в избу, баба и напустилась на него:

— Ах ты, сукин сын, мошенник! Наказывал мне жить воздержаннее, а сам у меня ребенка заделал да недоделал, так и уехал! Спасибо еще, батюшка поп мне его доделал, а то что бы я стала делать?

Мужик догадался, что дело неладно, и говорит себе: «Погоди, я его, долгогривого колухана, обтяпаю!»[96]

Случилось, в одно время летом поп служил обедню, а дом его был подле самой церкви. Мужик собирался ехать в поле на пашню, и

понадобилась ему борона, а у попа их было три. Мужик пошел к попу в церковь и стал просить борону. Поп рад всячески ему угодить, чтоб только до попадьи не довел его шашней, боится отказать и говорит:

— Возьми хоть все три!

— Да без тебя, батюшка, не дадут; скричи [97] попадье-то хоть из окошка, чтоб все три дали.

— Хорошо, свет, ступай.

Мужик к попадье пришел и говорит:

— Матушка! Батюшка велел вам всем трем мне дать...

— Что ты, свет, с ума, что ли, сошел?

— Спроси его хоть сама; ведь он мне сейчас приказывал.

Попадья и кричит попу:

— Поп! Ты велел нам дать мужику?

— Да, да, все три дайте.

Делать нечего, стали давать мужику по очереди: он начал с попадьи, а кончил меньшей поповною и воротился домой. Как только пришел поп от обедни, попадья и давай его ругать:

— Ах ты, черт, колухан! С ума, что ли, спя-

тил! Всех дочерей перепортил; ну меня одну уж так и быть бы, а то всех трех велел ему от-
делать.

Поп хватя себя за бороду и побежал к мужику:

— Я тебя в суд потащу, ты моих дочерей перепортил!

— Не сердись, батяка! — говорит мужик. — Ты любил чужих ребят доделывать, да еще за труды холстом брал; вот теперь мы с тобой поквитались.

Помирились поп с мужиком и стали жить большими приятелями.

Поросенок

Жил-был в одном селе поп, толоконный Жлоб, у него была дочка, да такая уродилась прекрасная, что любо-дорого посмотреть. Вот и нанял поп себе батрака: детина ухарский! Живет у попа месяц, и другой, и третий. На ту пору у богатого мужика на деревне родила баба; приехал мужик и зовет попа окрестить младенца:

— Да милости просим, батюшка, пожалуйста-те вместе с матушкой, не оставьте!

А поповская порода на чужое добро лакома, за чужим угощением обосраться рада. Вот поп запряг кобылу и уехал с попадьей на крестины, а батрак остался дома вместе с поповною. Захотелось батраку есть, а в печи-то у попадьи было припасено два жареных поросенка.

— Послушай, что я скажу, — стал говорить он поповне, — давай съедим этих поросят, вить попа с попадьей дома нету!

— И то давай!

Он сейчас достал одного поросенка, и съели его вдвоем

— А другого, — говорит он попадье, — давай я запрячу тебе под подол, чтоб наши не нашли, да после сами и съедим! А когда поп с попадьею спросят про поросят — заодно скажем, что кошка съела!

— Да как же ты под подол спрячешь?

— Уж не твое дело! Я знаю как.

— Ну, хорошо, спрячь!

Он велел ей нагнуться, поднял подол, да и давай прятать своего сырого ей в п...ду.

— Ах, как хорошо ты прячешь! — говорит поповна. — Да как же я его оттуда выну?

— Ничего, помани только овсом, он и сам выйдет!

Таким манером уважил ее батрак так славно, что она сразу и сделалась беременною. Стало у нее брюхо расти, стала она поминутно на двор бегать: у нее в брюхе шевелится-то ребенок, а она думает — поросенок; выбежит на крыльцо, поднимет ногу, а сама сыплет на пол овес, да и манит: «чух, чух, чух!» — авось выйдет! Раз как-то и увидал это поп и стал с попадьею думать: ведь непременно дочь-то брюхата, давай-ка спросим у нее, с кем ее лукавый стрес?

Призвали дочку:

— Аннушка, поди сюда! Что это с тобой, отчего ты отяжелела?

Она смотрит в оба и молчит; что такое, думает, меня спрашивают.

— Ну скажи же, отчего ты забрюхатела?

Поповна молчит.

— Да говори же, глупая! Отчего у тебя пузо велико?

— Ах, маменька, ведь у меня в животе поросеночек, мне его батрак засадил!

Тут поп ударил себя в лоб, кинулся за батраком, а того и след давно простыл.

Суд о коровах

В одной деревне жил-был поп да мужик; у попа было семь коров, а у мужика только одна, да хромая. Только поповы глаза завистливы; задумал поп, как бы ухитриться да отжилить у мужика и последнюю корову: «Тогда было бы у меня восемь!» Случился как-то праздник, пришли люди к обедне, пришел и тот мужик. Поп вышел из алтаря, вынес книгу, развернул и стал читать серед[98] церкви:

— Послушайте, миряне! Аще кто подарит своему духовному пастырю одну корову — тому Бог воздаст по своей великой милости: та одна корова приведет за собой семеро!

Мужик услышал эти слова и думает: «Что уж нам в одной корове! На всю семью и молока не хватает! Сделаю-ка я по писанию, отведу корову к попу. Может, и впрямь Бог смилуется!»

Как только отошла обедня, мужик пришел домой, зацепил корову за рога веревкою и повел со двора к попу. Привел к попу:

— Здравствуй, батюшка!

— Здорово, свет! Что хорошего скажешь?

— Был я сегодня в церкви, слышал, что сказано в писании: кто отдаст своему духовному отцу одну корову, тому она приведет семеро! Вот я, батюшка, и привел к вашей милости в подарок корову.

— Это хорошо, свет, что ты помнишь слово Божие: Бог тебе воздаст за то седьмерицею. Отведи-ка, свет, свою корову в сарай и пусти к моим коровам.

Мужик свел свою корову в сарай и воротился домой. Жена ну его ругать:

— Зачем, подлец, отдал попу буренку? С голоду, что ли, вам пропадать, как собакам?

— Эка ты дура! — говорит мужик, — разве ты не слыхала, что поп в церкви читал? Дождемся, наша корова приведет за собой еще семь; тады похлебаем молока досыта!

Целую зиму прожил мужик без коровы. Дождались весны: стали люди выгонять в поле коров, выгнал и поп своих. Вечером погнал пастух стадо в деревню; пошли все коровы по своим дворам, а корова, что мужик попу подарил, по старой памяти побежала на двор к своему прежнему хозяину; семеро поповых коров так к ней привыкли, что и они следом

за буренкою очутились на мужицком дворе. Мужик увидал в окошко и говорит своей бабе:

— Смотри-ка, ведь наша корова привела за собой целых семь. Правду читал поп: Божие слово завсегда сбывается! А ты еще ругалась! Будет у нас теперича и молоко, и говядинка.

Тотчас побежал, загнал всех коров в хлев и накрепко запер. Вот поп видит: уж темно стало, а коров нету, и пошел искать по деревне. Пришел к этому мужику и говорит:

— Зачем ты, свет, загнал к себе чужих коров?

— Поди ты с Богом! У меня чужих коров нет, а есть свои, что мне Бог дал: это моя коро-вуха привела за собой ко мне семеро, как помнишь, батька, сам ты читал на празднике в церкви.

— Врешь ты, сукин сын! Это мои коровы.

— Нет, мои!

Спорили-спорили, поп и говорит мужику:

— Ну черт с тобой, возьми свою корову на-зад; отдай хоть моих-то!

— Не хошь ли кляпа собачьего!

Делать нечего, давай поп с мужиком су-

даться. Дошло дело до архиерея. Поп подарил его деньгами, а мужик холстом; архиерей и не знает, как их рассудить.

— Вас, — говорит им, — так не рассудишь! А вот что я придумал! Теперь ступайте домой, а завтра кто из вас придет раньше утром ко мне, тому и коровы достанутся.

Поп пришел домой и говорит своей матке-попадье:

— Ты смотри, пораньше меня разбуди завтра утром!

А мужик не будь дурак, как-то ухитрился, домой не пошел, а забрался к архиерею под кровать. «Здесь, — думает себе, — пролежу целую ночь и спать не стану, а завтра рано подымусь — так попу коров-то и не видать!» Лежит мужик под кроватью и слышит: кто-то в дверь стучится. Архиерей сейчас вскочил, отпер дверь и спрашивает:

— Кто такой?

— Я, игуменья, отче!

— Ну ложись-ка спать, игуменья, на постель.

Легла она на постель; стал архиерей ее щупать за титьки, а сам спрашивает:

— Что это у тебя?

— Это, святой отче, сионские горы, а ниже — доли.

Архиерей взялся за пупок:

— А это что?

— Это пуп земли.

Архиерей спустил руку еще ниже, щупает игуменью за п...ду:

— А это что?

— Это ад кромешный, отче!

— А у меня, мать, есть грешник; надо его в ад посадить.

Взобрался на игуменью, засунул ей грешника и давай наяривать; отработал и пошел провожать мать игуменью. Тем временем мужик потихоньку выбрался и ушел домой. На другой день поп поднялся до света, не стал и умываться— побежал скорей к архиерею, а мужик выспался хорошенько, проснулся— уж давно солнце взошло, позавтракал и пошел себе потихоньку. Приходит к архиерею, а поп давно его ждет.

— Что, брат, чай за жену завалился! — посмеивается поп.

— Ну, — говорит архиерей мужику, — ты

после пришел...

— Нет, владыко! Поп пришел после; нечто ты позабыл, что я пришел еще в то самое время, как ты ходил по сионским горам да грешника сажал в ад!

Архиерей замахал обеими руками.

— Твои, — говорит, — твои, мужичок, коровы! Точно твоя правда: ты пришел раньше.

Так поп и остался ни при чем; а мужик себе зажил припеваючи.

Похороны кобеля[99]

Жил-был мужик, у него был кобель. Рассердился мужик на кобеля, взял повез его в лес и привязал около дуба. Вот кобель начал лапами копать землю; подкопался под самый дуб. Так, что его ветром свалило. На другой день пошел мужик в лес и вздумал посмотреть на своего кобеля, пришел на то место, где привязал его, смотрит: дуб свалился, а под ним большой котел золота. Мужик обрадовался, побежал домой, запряг лошадь, да опять в лес; забрал все деньги и кобеля посадил на воз. Воротился домой и говорит бабам:

— Смотрите, угождайте у меня кобелю всячески! Коли не станете за ним ходить да не будете его кормить — я с вами по-своему разделаюсь!

Ну, бабы стали кормить кобеля на убой, сделали ему мягкую постель, холят его всячески! А хозяин никому, кроме кобеля, и не верит: куда ни поедет — ключи завсегда повесит кобелю на шею. Жил-жил кобель, заболел да окошел. Вздумалось мужику похоронить кобеля со всею церемонией; взял он пять ты-

сяч и пошел к попу:

— Батюшка! У меня помер кобель и отказал тебе пять тысяч денег с тем, чтобы ты похоронил его по христианскому обряду.

— Ну это хорошо, свет! Только в церковь его носить не надо, а похоронить можно! Приготовляйся, завтра приду к выносу.

Мужик изготовился, сделал гроб, положил в него кобеля, а наутро пришел поп с дьяконом и дьячками в ризах, пропели что надо и понесли кобеля на кладбище, да закопали в могилу. Дошло у попа до дележа с причтом [100]; он и обидел дьячков, мало им дал, вот они просьбу на него к архиерею: так и так, дескать, похоронил кобеля по-христиански. Архиерей позвал к себе попа на суд.

— Как ты смел, — говорит, — хоронить нечистого пса?

И посадил его под арест. А мужик взял десять тысяч и пошел к архиерею попа выручать.

— Ты зачем? — спросил архиерей.

— Так и так, — отвечает мужик, — помер у меня кобель, отказал вашему преосвященству десять тысяч денег да попу пять!

— Да, братец, я слышал про то и посадил
попа под арест: зачем он, безбожник, как нес
кобеля мимо церкви — не отслужил по нем
панихиды!

Взял архиерей отказанные[101] кобелем
десять тысяч, выпустил попа и пожаловал его
благочинным[102], а дьячков сдал в солдаты.

Жадный поп

Жил-был поп, имел большой приход, а был такой жадный, что великим постом за исповедь меньше гривенника ни с кого не брал; если кто не приносил гривенника, того и на исповедь не пустит, а зачнет страмить [103]:

— Экая ты рогатая скотина! За целый год не мог собрать гривенника, чтобы духовному отцу за исповедь дать. Ведь он за вас, окаянных, Богу молится!

Вот один раз пришел к этому попу на исповедь солдат и кладет ему на столик всего медный пятак. Поп просто взбесился.

— Послушай, проклятый, — говорит ему, — откуда ты это выдумал принести духовному отцу медный пятак? Смеешься, что ли?

— Помилуй, батюшка! Где я больше возьму? Что есть, то и даю.

— По блядям да по кабакам носить [104] небось есть деньги! А духовному отцу одни грехи тащишь! Ты про эдакой случай хоть укради что да продай, а священнику принеси, что подобает, заодно уж перед ним покаешь-

ся и в том, что своровал, так он все тебе грехи отпустит!

И прогнал от себя поп этого солдата без исповеди:

— И не приходи ко мне без гривенника!

Солдат пошел прочь и думает: «Что мне с попом делать?» Глядит, а около клироса стоит поповская палка, а на палке висит бобровая шапка. «Дай-ка, — говорит сам себе, — попробую эту шапку утащить». Унес шапку и потихоньку вышел из церкви да и прямо в кабак. Тут солдат продал ее за двадцать пять рублей, припрятал деньги в карман, а гривенник отложил для попа. Воротился в церковь и опять к попу.

— Ну что, принес гривенник? — спросил поп.

— Принес, батюшка!

— А где взял, свет?

— Грешен, батюшка! Украл шапку да продал за гривенник.

Поп взял этот гривенник и говорит солдату:

— Ну, Бог тебя простит, и я тебя прощаю и разрешаю.

Солдат ушел, а поп, покончивши исповедовать своих прихожан, стал служить вечерню; отслужил и стал домой собираться, бросился к клиросу взять свою шапку, а шапки-то и нету: так простоволосый и домой пришел. Пришел и сейчас послал за солдатом. Солдат спрашивает:

— Что угодно, батюшка?

— Ну скажи, свет, по правде, ты мою шапку украл?

— Не знаю, батюшка, вашу ли украл я шапку, а только такие шапки одни попы носят, больше никто не носит.

— А из которого места ты ее утащил?

— Да в нашей церкви висела она на поповской палке, у самого клироса.

— Ах ты, сукин сын, такой-сякой! Как смел ты уворовать шапку у своего духовного отца?

— Да вы, батюшка, сами меня от того греха разрешили и простили.

Сказка о том, как поп родил теленка[105]

Жил-был поп да попадья. У них был казак [106] по имени Ванька; только житье у них казаку было не очень-то хорошее: больно скупа попадья была. Вот однажды поехал поп с казаком по сено, верст за десять. Приехали, наклали воза два. Вдруг пришло к сену стадо коров. Поп схватил хворостинку и давай за ними бегать; прогнал коров и воротился к казаку весь в поту. Тотчас вместе dokonчили работу и поехали домой. Было темно.

— Ванька, — сказал поп, — не лучше ли нам ночевать в деревне, хоть у Гвоздя: он мужик добрый, да у него и двор-то крытый.

— Хорошо, батюшка! — отвечал Ванька.

Приехали в деревню, выпросились ночевать у того мужика. Казак пошел в избу, помолился Богу, поклонился хозяину и сказал:

— Смотри, хозяин, когда станешь садиться ужинать, то скажи: «Садитесь все крещеные», а если скажешь попу: «Садись, отец духовный!» — то он рассердится на тебя и не сядет

ужинать; он не любит, когда его так называют.

Поп выпряг лошадей и пришел в избу, тут хозяин велел жене собрать на стол и, когда все было готово, сказал:

— Садитесь, все крещенные, ужинать.

Все сели, кроме попа: он сидел на лавочке да подумывал, что его хозяин особенно просить станет, а н-то и не сбылось. Отужинали.

Хозяин отвел попа и его казака в скотницу, потому что в ней было теплее, чем в избе. Поп лег на печь, а казак ка полати. Ванька сейчас уснул, а поп все думает, как бы найти что-нибудь поесть. А в скотной ничего не было, кроме квашни с раствором. Поп стал будить казака.

— Что, батюшка, надобно?

— Казак! Мне есть хочется.

— Ну так что не ешь? В квашне тот же хлеб, что и на столе, — сказал Ванька и сошел с полатей, наклонил квашню и говорит:

— Будет с тебя!

Поп начал лакать из квашни, а Ванька как будто невзначай толкнул ее и облил попа раствором. Поп, налакавшись досыта, лег опять

и скоро заснул. В это время отелилась на дворе корова и стала мычать. Хозяйка услышала, вышла на двор, взяла теленка, принесла в скотную и пихнула его на печь к попу, а сама ушла. Поп проснулся ночью, слышит: кто-то лижет его языком, схватил рукою теленка и стал будить казака.

— Что опять понадобилось? — сказал Ванька.

А поп:

— Ванька! Ведь у меня на печи-то теленок, и не знаю, откуда он явился.

— Вот еще что выдумал! Сам родил теленка да и говорит: не знаю, откуда взялся.

— Да как же это так могло случиться? — спрашивает поп.

— А вот как: помнишь, батюшка, как мы сено клали, мала ли ты бегал за коровами! Вот теперь и родил теленка.

— Ванька! Как бы сделать, чтобы попадья не узнала?

— Давай триста рублей, все сделаю: никто не узнает!

Поп согласился.

— Смотри же, — говорит казак попу, — сту-

пай теперь тихонько домой да надень вместо сапог мои липовки[107].

Только что ушел поп, казак тотчас к хозяину:

— Ах вы, ослы! Ведь не знаете того, что теленок попа съел, оставил только одни сапоги; ступайте посмотрите.

Напуганный мужик обещал казаку триста рублей, чтобы обделал дело так, чтобы никто про это не узнал. Ванька все обещался сделать, взял деньги, сел на лошадь и поскакал за попом. Нагнал его и говорит:

— Батюшка! Теленка-то хозяин хочет привести к попадье да сказать, что ты его родил!

Поп еще больше испугался и набавил Ваньке сотнягу: только обделай все тихонько.

— Ступай себе, все сделаю! — сказал казак и поехал опять к мужику.

— Ведь попадья сойдет с ума без попа, тебе худо будет!

Этот простофиля дал казаку еще сотнягу:

— Только обмани попадью да никому не сказывай!

— Хорошо, хорошо! — сказал казак; приехал на погост, содрал с попа денежки, отошел

от него, женился и стал себе поживать да добра наживать.

Духовный отец

Пришел великий пост: надо мужику идти на исповедь к попу. Завернул он в кулек березовое полено, обвязал его веревкою и пошел к попу.

— Ну, говори, свет, в чем согрешил? А это у тебя что такое?

— Это, батюшка, белая рыбица, тебе на поклон принес!

— Ну, это дело хорошее! Чай, замерзла?

— Замерзла, все на погребе лежала.

— Ну, когда-нибудь растает!

— Я пришел, батюшка, покаяться: раз стоял за обеднею да бзднул.

— Что это за грех? Я и сам один раз в алтаре перднул. Это ничего, свет! Ступай с Богом.

Тут начал поп развязывать кулек: смотрит, а там березовое полено.

— Ах ты, бздун проклятый! Где ж белорыбица-то?

— Х...я не хочешь ли, пердун эдакий.

Поп и цыган[108]

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был цыган, у него был отец-старик. Крепко старик заболел, лежит в постели, а сын ходил-ходил за ним, да потом и бросил. Что отец ни попросит у него — пить або что — цыган будто не слышит, только думает, как бы поскорее помер.

— Э, сынку, сынку, — говорит отец, — ты вже не став мене и за батька почитати, а я же тебе на свит родыв! А сын ему отвечает:

— Серу твоего батька! Ты не мене робив [109], а свою душу солодыв[110]. Полезай ты к матери в сраку, то я, батько, и тебе перероблю.

Отец вздохнет и промолчит. Пришло время, помер старик. Одели его и положили на лавке: лежит покойник, борода у него длинная; накурили в избе ладаном, все готово; пошел цыган за попом:

- Здравствуй, батицьку!
- Здорово, цыган! Что скажешь?
- Мой батька помер, пиды похорони.
- Невжели помер?

— Помер, легкой ему опочывок[111]! Лежит на лавке как Спас и бородку свою распас: мосьмпло по хатоньке походити и на его билое тило посмотрити. Да кажись, батиньку, он и просвятится[112], бо так и пахнет от него ладаном!

— Что же, цыган, есть у тебя деньги — за похороны заплатить?

— За шо тоби деньги платить? За тое стерво, шо лежит на лавки, черной, як головешка, а вытаращив зубы, як бешена собака? Дай ще тоби за него деньги платити! Пожалуй, не приходи хоронить, я тоби приволоку его за ноги: шо хошь, то и роби з ним, хоть соби на вечину капти да жры.

— Ну ладно, ладно, — говорит поп, — сейчас приду да похороню.

Воротился домой цыган, вслед за ним пришел и поп. Тут отпели цыганова отца, положили в гроб, снесли на кладбище и, похоронили.

— Невжли ты, — говорит поп цыгану, — нисколько не заплатишь мне за своего отца? Тебе грешно будет!

— Ах, батиньку! — сказал цыган. — Сам

знаєшь, яки у цыгана деньги: було трошки [113], усе потратив на поминки, а ты, батиньку, повремени до ярмарки, добуду денег, отдам тобі!

— Ну, хорошо, свет, подождать можно.

Началась ярмарка, поехал цыган в город лошадыми менять [114]. Поехал и поп по своим делам. Вот и попадаетя цыган попу на встречу.

— Послушай, цыган, — напоминает поп, — время тебе деньги отдать!

— Якие деньги? За шо тобі отдавать?

— Как за что? Я твоего батька схоронил.

— А тож мене и треба! [115] Я сколько ни ищущу своего батька, нияк не могу найтить: чужие батьки лошадыми миняют, а мого нема [116], а се ты, псяча-козляча твоя борода! Похоронив мого батьку!

Ухватил попу за бороду, повалил на землю, вытащил из-за пояса кнут и начал его отжаривать:

— От тобі, псяча-козляча борода! Хоть здонны, да роды мого батька, а то задеру кнутом!

Насилу поп вырвался из цыганских рук, да давай Бог тягу! С тех пор полно спрашивать

[117] с цыгана денег.

Загони тепла

Жил-был мужик; у него было три сына: два умных, а третий дурак. Стал он их спрашивать:

— Дети мои любезные! Чем вы меня под старость будете кормить?

Старшие братья сказали:

— Работою.

А дурак по-дурацки и отвечал:

— Чем тебя больше кормить, как не х...ем!

На другой день старший сын взял косу и пошел косить сено; идет дорогою, попадается ему навстречу поп.

— Куда идешь? — спрашивает поп.

— Ищу работы, где бы сена косить.

— Поди ко мне, только с уговором: я дам тебе сто рублей, если моя дочь не пересикнет того, что ты накосишь за день, а коли она пересикнет — не заплачу тебе ни копейки, «Где ей пересикнуть!» — думает парень и согласился. Поп привел его на полосу:

— Вот здесь коси, работник!

Парень сейчас же начал косить и к вечеру накосил такую кучу, что страшно посмотреть.

Но поповна пришла и пересикнула. Пошел он домой, как не солоно хлебал! Со средним братом случилось то же самое. Ну пошел и дурак.

— Дай-ка, — говорит, — я пойду, поищу своему х...ю работы.

Взял косу и идет; попадается ему навстречу тот же самый поп и зазвал его к себе работать с таким же уговором. Начал дурак косить; прошел одну линию, скинул портки и стал раком. Тут пришла старшая попова дочь и спрашивает:

— Работник, что же ты не косишь?

— Подожди, дай мне тепла в жопу загнать, чтоб зимою не мерзнуть.

— Загони и мне тепла, пожалуйста, а то мы зимой в гости ездим — всегда зябнем.

— Становись раком: заодно загонять!

Она стала раком, а дурак вздрочил махалку, да как хватит ей в п...ду и давай загонять тепло; до тех пор загонял, что с нее аж пот градом льет. Как его забрало, он и говорит:

— Ну, будет с тебя, хватит на одну зиму!

Она побежала домой и сказала двум своим сестрам:

— Ах, душечки сестрицы! Как славно мне

работник тепла в жопу загонял, с него и с меня даже пот лил!

И эти туда ж побежали; дурак и им загнал тепла на зиму. А сена накосил он так, самую малость, только три раза прошел. Приходит поп со старшей дочерью и хвастает:

— Ступай, работник, лучше заранее домой: моей дочери этого не трудно пересикнуть!

— А вот посмотрим!

Поп велел своей дочке сикать; она подняла подол, как сикнет, да прямо себе за чулки.

— Вот видишь, — сказал дурак, — а тоже хвастаешь.

Поп в досаде послал за меньшими дочерьми.

— Коли и эти не пересикнут, — говорит поп, — то я даю тебе с каждой по сту[118] рублей!

— Хорошо;

Но и средняя и меньшая поповны только себя обоссали. Дурак сорвал с попа триста рублей, пришел к отцу и говорит:

— Вот вам х...ева работа! Посмотрите, сколько денег!

Жена слепого

Жил-был барин с барыней. Вот барин ослеп, а барыня и загуляла с одним подьячим. Стал барин подумывать, не блядут ли с кем жена, и шагу не даст ей без себя сделать. Что делать? Раз пошла она с мужем в сад, и подьячий туда же пришел. Захотелось ей дать подьячему. Вот мужик-то слепой у яблони сидит, а жена свое дело справляет, подьячему поддает. А сосед ихний смотрит из своего дома из окна в сад, увидал, что там строится[119]: подьячий на барыне сидит — и рассказывает своей жене:

— Посмотри, душенька, что у яблони делается. Ну что, как теперь откроет Бог слепому глаза, да увидит он, что тогда будет? Ведь он ее до смерти убьет.

— И, душенька! Вить и нашей сестре Бог увертку дает!

— А какая тут увертка?

— Тогда узнаешь.

На тот грех и открыл Господь слепому барину глаза; увидел он, что на его барыне подьячий сидит, и закричал:

— Ах ты, курва! Что ты делаешь, проклятая
блядь!

А барыня:

— Ах, как я рада, милый мой! Ведь сегодня
ночью приснилось мне: сделай-де грех с та-
ким-то подьячим, и Господь за то откроет тво-
ему мужу глаза, вот оно и есть правда: за мои
труды Бог дал тебе очи!

Поп и западня

В одной деревне был мужик, промыслом мясник: бил он скотину да продавал говядину, а мясо-то хранил в сарае. Только в этом сарае было окно, и повадились туда лазить собаки и кошки и таскать мясо. Вот мужик и поставил в окне капкан; прибежала попова собака и попала в капкан да издохла. Жалко попу собаки, а делать нечего, купил другую и боится: как бы и эта не пропала. Думал-думал, как бы пособить горю да насмеяться над мужиком, и надумался; пришел к сараю, скинул штаны, влез на окно и ну срать в капкан. А капкан как спустится, да как схватит попа за муди — закричал он благим матом. Прибежал мужик.

— Ах, мать твою раз этак! Какой черт занес тебя сюда? Уж впрямь — дурья порода!

Сбежался народ, кое-как отцепили попа, а он тут же издох, так и повалился!

Старческий стих

*Как у Спаса на Новом
Архимандрит был новый,
Строители-разорители,
Экономы-пустодумы:
Они рано нас будили,
Понемногу нам пити[120] дава-
ли.*

*Рассердимся мы, братия,
Не пойдем ни к обедне-заутрене,
Ни к тому ли честному молебну!
Будет нас игумен просить,
Будет кланяться.*

*Выкатят нам, братия,
Бочки дубовые,
Подадут нам, братия,
Ковши железные,
Размахнем, почерпнем,
По компанье обнесем.
Кому два — кому три,
Мне четыре ковши.
Кабаки возрадуются,
А пьяницы возвеселятся.*

Прибаутки

Вчерашний день я по улице гулял, видел: петух топчет курицу, воробей — воробку; надели меня супругой — веселой да упругой.

— Будешь доволен, я знаю приворотный корень, да видя твою дурацкую рожу — приведу тебе козу.

— Чем же тебя благодарить, не успел киселя наварить хотел бы сварить кашу, да расклевали куры чашу.

— Где ты, сорока, была?

— Да на колу сидела.

— Да что ж ты оттуда улетела?

— Да напакостила.

— А, напакостила! Черт же те в шею, так ты и здесь напакостишь.

Был я добрый молодец, пошел к синю морю дубище-коренище рубить. Как отрубил я коренец, он ударил меня посередь яец, так вот и теперь у меня рубец. Пошел я оттедова по под[121] синим морем и зашел в кузницу: «Кузнецы, кузнецы, скуйте мне топор, крепок и востер». Взял топор и иду по над рекою, а там прачка: я етую прачку кляпом в срачку,

она в воду, я на колоду, высек из п...ды лобок и уехал на тот бок.

Стоит поп на льду, подпер х...ем бороду. Е...ена мать — дочку е...ут на лубочку[122]; лубочек вот гнется, черна п...да трется — потирается, разье...ается. Трах, трах, трах! Е...ет старуху монах на осиновых дровах — три полена в головах.

В п...де черви завелись, немножечко проточили — три карсты проскочили. Гарнизонный капитан в п...де роту обучал. Сам на секе-ле[123] стоял, да и саблюю махал, нигде края не достал.

Из монастыря боголюбова идут старцы старцами; впереди идет сам игумен, ничего он не гунит[124]. «Состроим же, братия, келью под елью, проторим дорожку из деревни, чтоб молодые бабы ходили, печеные яйца носили, нас, молодцов, кормили».

Задумал наш дядюшка жениться на сивой кобыле. Стали мы своего дядюшку женить в четыре свахи дубовые, пята[125] сваха вязовая. С той радости наш дядюшка усрался, кругом говном об клался, домой пришел — не сказался.

Худо — не худо

Жернова по воде плавают, на них собака сидит, голову согнувши, хвост в жопу воткнувши, повизгивает, лапу полизывает.

— Ты ехал мимо архиерейского дома?

— Ехал: там кони поседланы, седоки посажены, в трубы играют, черт знает — кого е...ена мать величают! Говорят, архиерея на соловой кобыле венчают.

— А ростовского медведя видел? — Видел.

— Каков? — Серый!

— Какой, е...ена мать, медведь? Пошел к х...ю, не бредь! — Это волк.

— Х...й тебе в лоб! У нас волк по лесу побегивает, ушми подергивает. — Это заяц.

— Кляп ты знаешь! Это трус. — Говна тебе кус!

Первое знакомство жениха с невестой

У одного старика был сын, парень взрослый, у другого дочь — девка на поре. И задумали они оженить их.

— Ну, Иванушка, — говорит отец, — я хочу женить тебя на соседской дочери, сойдись-ка с нею да поговори ладнее да поласковее!

— Ну, Машутка, — говорит другой старик, — я хочу отдать тебя за соседнего сына, сойдись-ка с ним да ладнее познакомься!

Вот они сошлись на улице, поздоровались.

— Мне отец велел с тобой, Иванушка, ладнее познакомиться, — говорит девка.

— И мне то ж наказывал мой батька, — говорит парень.

— Как же быть-то? Ты где, Иванушка, спишь?

— В сенцах.

— А я в амбарушке; приходи ночью ко мне, так мы с тобою и поговорим ладнее...

— Ну что ж.

Вот пришел Иванушка ночью и лег с Ма-

шуткою. Она и спрашивает:

— Шел ты мимо гумна?

— Шел.

— А что, видел кучу говна?

— Видел.

— Это я насрала.

— Ничего — велика!

— Как же нам с тобою поладить? Надо посмотреть, хорош ли у тебя струмент?

— На, посмотри, — сказал он и развязал гашник[126], — я этим богат!

— Да эдакой-то мне велик! Посмотри, какая у меня маленькая!

— Дай я попробую: придется ли?

И стал пробовать. Х...й у него колом стоит; как махнет ее — ажно из всех сил она закричала:

— Ох, как больно кусается!

— Небось! Ему места мало, так он и сердится.

— Ну вот, я ведь сказала: для него мало!

— Погоди, будет и просторно.

Как пробрал ее всласть, она и говорит:

— Ах, душечка! Да твоим богатством можно денежки доставать!

Покончили и заснули. Проснулась она ночью и ну целовать его в жопу — думает, в лицо, а он как подпустил сытности — девка и говорит:

— Вишь, Ваня, от тебя цынгой пахнет!..

Два брата — жениха

Жил-был мужик; у него было два сына, парни большие. Стал старик со старухой советовать:

— Какого бы сына оженить нам — Грицька или Лавра?

— Женим старшего, — сказала старуха. И стали они сватать за Лавра и сосватали ему невесту на самую масленицу в другой деревне. Дождались святой недели, разговелись; вот и собирается Лавр вместе с братом Грицьком ехать к невесте; собрались, запрягли пару лошадей, сели на повозку.

Лавр, как жених, за барином, а Грицько за кучера — и поехали в гости. Только выехали за деревню, как Лавру захотелось уже срать; так налупил на разговенах!

— Брат Грицько! — говорит он, — останови лошадей.

— Зачем?

— Посрать хочу.

— Экой ты дурак! Ужели ты станешь на своей земле срать? Потерпи маленько, съедем на чужое поле — там вали хоть во все брюхо!

Нечего делать, понатужился Лавр, терпит — аж в жар его бросает и пот прошибает. Вот и чужое поле.

— Ну, братец, — говорит Лавр, — сделай такую милость, останови лошадей, а то невтерпеж, до смерти хочу срать!

А Грицько в ответ:

— Экой ты глупый! С тобой пропадешь; отчего не сказал, как ехали мы через свое поле: там смело бы сел и срал, покуда хотел. А теперь сам знаешь: как срать на чужой земле! Еще, не ровен час, какой черт увидит да поколотит нас обоих и лошадей отберет. Ты поверни маленько; как приедем к твоему тестю на двор, ты выскочи из повозки и прямо в нужник, и сери себе смело, а я тем временем лошадей выпрягу.

Сидит Лавр на повозке, дуется да крепится. Приехали в деревню и пустились к тестиному двору; у самых ворот встречает своего будущего зятя теща:

— Здравствуй, сынок, голубчик! Уж мы тебя давно ждали!

А жених, не говоря ни слова, выскочил из повозки и прямо в нужник. Теща думала, что

зять стыдится, схватила его за руку и говорит:
— Что, сынок, стыдишься? Господь с тобой, не стыдись, у нас чужих людей никаких нет, прошу покорно в избу.

Втащила его в избу и посадила за стол в переднем углу. Пришло Лавру невмоготу, начал под себя валить и насрал полные штаны, сидит на лавке, боится с места пошевелиться. Теща-то суется: наставила перед гостями закусок, взяла штоф с вином в руки, налила и подносит первый стакан жениху. Только поднялся жених за стаканом и встал на ноги, как поплыло говно вниз по ляжкам да в голенища — пошла вонь на всю избу.

Что за причина? Почему воняет?

Теща бросается по всем углам, глядит: не ребятишки ли где напакостили? Нет, нигде не видать, подходит к гостям:

— Ах, любезные мои! У нас на дворе-то не совсем чисто; может, кто из вас ногой в говно попал, встаньте-ка, я посмотрю, не замаран ли у кого сапог.

Осмотрела старуха Грицька — ничего нет, подошла к Лавру:

— Ну-ка, зятек, ты как приехал на двор, так

и побежал к нужнику; не вляпался ли ты в говно?

Стала его щупать, и только дотронулась промеж колен, всю руку выпачкала. Заругалась она на жениха:

— Что ты, с ума сошел, что ли? Кой черт тебе сделалось! Ты, верно, не в гости приехал, а насмеяться над нами, подлая твоя душа! Еще не пил, не ел, а за столом обосрался! Ступай же к черту, будь ему зять, а не нам!

Тотчас призвала старуха свою дочку и говорит:

— Ну, дитя мое любезное! Не благословляю тебя выходить за этого дрянного засерю, выходи за его брата — вот тебе жених!

Тут Лавра в сторону, а в передний угол посадили Грицька, начали пить, есть и прохладиться до самого вечера. Настигла ночь, пора и спать ложиться. Старуха говорит гостям:

— Ну, ступайте с Богом спать в новой избе, а ты, доченька, снеси туда перину да постели жениху; а этому засере ничего не стели, пушай на голой лавке валяется!

Вот легли они спать: Грицько на перине, а Лавр скорчился на лавке; не спится ему, все

думает, как бы отомстить брату его насмешку. Слышит, что Грицько заснул крепко; он встал с лавки, взял стол и тихонько перетащил его к самым дверям, а сам опять улегся на лавке. В самую полночь проснулся Грицько, встал с перины и идет до ветру прямо к дверям; подошел, да как ударится о стол. «Что такое? Где же двери?» — думает он. Воротился назад, давай искать: куда ни сунется — все стены. Куда же двери-то девались? А срать так приспичило ему, хоть умирай! Что делать? Сел у стола и насрал такую кучу, что на лопате не унесешь. Насрал и задумался: «Дело-то неладно, надо говно до утра убрать!» Поглядел кругом и увидел в стене большую щель; как ляпнет — в щель-то не попал, а прямо в стену; говно отвалилось назад да прямо ему в рыло. Утерся Грицько руками, забрал еще пригорш, бросил в другой раз — опять то же самое. И стены вымазал, и себя самого выпачкал. Надо умыться: стал искать воды; искал-искал и нащупал в печи чугунок с красной краской, что яйца к празднику красят; вытащил и стал умывать руки и голову: «Ну, теперь ладно будет!» Лег Грицько спать,

и только заснул, брат его взял потихоньку стол и перенес на старое место. Стало совсем рассветать; пришла невеста жениха будить.

— Вставай, душенька, — говорит она, — уж завтрак готов.

Да как глянула на него и видит, что жених рожею на черта смахивает, испугалась и побежала вон. Прибежала к матери, а сама-то разливается.

— Что ты плачешь? — спрашивает мать.

— Как же мне не плакать? Ведь я совсем пропала: поди-ка сама посмотри, что у нас в новой-то избе делается!

— А что делается? Там жених твой с братом.

— Какой жених? Это черт, а не жених!

Пошли все трое: отец, мать и невеста в избу, где жених спал; только вошли — жених увидел их и усмехается с радости: одни зубы белеют, а лицо все синее — настоящий бес. Они выбежали вон. Старик запер избу накрепко и пошел к попу:

— Поди, батюшка, освяти у нас новую избу да выгони оттуда нечистую силу: завелась-таки проклятая!

— Как, свет, у тебя черти завелись? Да я, свет, чертей-то сам боюсь!

— Не бойся, батюшка, у меня есть кобыла: коли что случится, садись на нее верхом и уезжай; так не то что черт — птица не поймает!

— Ну, свет, так и быть, пойду выгонять нечистую силу, только чтоб кобыла была моя!

— Ваша, батюшка, ваша! — говорит мужик, а сам ему кланяется.

Поп пошел к избе, захватил с собой дьячка и пономаря, нарядился в ризу, взял в руки кадильницу с огнем, посыпал ладаном; ходят они кругом избы и поют: «Святой Боже!»

«Ишь, — думает Грицько, — поп ходит с крестом; стану у дверей, неровно войдет в избу, так попрошу у него благословения». Стал у дверей и дожидается. Поп обошел кругом избы три раза, подступил к дверям, и только отворил да сделал шаг за порог — Грицько и протянул к нему свою синюю руку. Поп как бросится назад, да на кобылу верхом, и давай стегать се по бокам кадильницею на место кнута. Кобыла помчалась во весь опор, а поп знай ее по бокам поджаривает, да как-то мах-

нул и попал ей невзначай под хвост горячим, кобыла еще пуще понесла, бьет задом и передом, споткнулась и грянулась наземь; поп через нее кубарем, сломил себе голову и окошел. А женихи-дурни воротились себе домой ни с чем.

Догадливая хозяйка

Жила-была старуха, у ней была дочь — большая неряха: за что ни возьмется, все у ней из рук валится. Пришло время — нашелся дурак, сосватал ее и взял за себя замуж, пожил с нею год и больше и прижил сына. Пришла один раз она к матери в гости, эта ну ее угощать да потчевать. А дочь ест да сказывает:

— Ах, матушка! А какой у тебя хлеб скусной, настояще ситный, а у меня такой, что и проглотить не хочется, — настояще кирпич.

— Послушай, дочка! — говорит старуха, — ты верно не хорошо месить квашню, оттого у тебя и хлеб не скусен; а ты попробуй квашню вымесить так, чтоб у тебя жопа была мокра! Так и дело будет ладно.

Пришла дочь домой, растворила квашню и начала месить; помесит-помесит, да подымет подол и пощупает, мокра ли жопа, и опять начнет месить. Часа два так месила, всю жопу выпачкала, а узнать не может, мокра ли у ней жопа или нет. Вот она подняла подол, стала раком и говорит сынишке:

— Подь сюды, посмотри, не видать ли, мокра ли моя жопа или нет.

Мальчик посмотрел и говорит:

— Эге, матушка! У тебя две дырки вместе, да обе в тесте!

Тут она полно месить квашню и спекла с того теста хлеба такие скусные, что если б знали, как она месила, — никто б и в рот не взял.

Бабы увертки

Тетушка, я хочу у тебя попросить...

— Ну, говори, что тебе нужно?

— Я думаю, ты и сама можешь догадаться, что нужно.

Тетка сейчас догадалась:

— Я бы, пожалуй, Иванушка, сделала для тебя удовольствие, да ведь ты не знаешь наших бабьих уверток.

— Авось, тетушка, как-нибудь и увернусь!

— Ну, хорошо, приходи сегодня ночью к нам под окошко.

Парень обрадовался, дождался ночи и пошел к дядину двору, а кругом двора-то была набросана кострика[127]. Ходит он мимо окна, а кострика под ногами трещит!

— Посмотри-ка, старик, — говорит тетка, — кто-то ходит около избы: не вор ли какой?

Дядя открыл окошко и спрашивает:

— Кто там по ночам шляется?

— Это я, дядя, — отвечает племянник.

— Какой черт тебя сюда занес?

— Да что, дядя! За спором дело стало: отец говорит, что у тебя изба срублена в девять

венцов, а я говорю — в десять. Вот я и пришел пересчитать.

— Разве он, старый черт, разум-то прожил? — говорит дядя. — Сам же рубил со мной избу в десять венцов!

— Так, дядя, так. Вот я пойду, отцу-то в глаза наплюю!

На другой день парень сказал тетке:

— Ну, тетушка! Эдак, пожалуй, с тобой дела не сделаешь, а понадеешься!

— Экой ты чудной! Дядя с тобой говорит, а я как к тебе выйду? А ты знаешь, где наша закута, куда овец загоняют, туда приходи нынешнюю ночь. Уж я к тебе непременно выйду!

Парень послушался, пришел ночью в дядину закуту, прижался в угол и поджидает тетку. А тетка говорит своему мужу:

— Хозяин! Что-то. у нас на дворе не здорово; нет ли зверя? Овцы наши что-то всполошились; уж не волк ли к ним забрался!

Старик вышел на двор и спрашивает:

— Кто здесь в закуте?

Племянник выскочил:

— Это я, дядюшка!

— Зачем тебя черт занес в эдакую пору?

— Чего, дядюшка? Отец не дает мне покою, чуть не вышло до драки.

— За что же так?

— А вот за что: он говорит, что у тебя девять овец, а десятый — баран. А я спорю, что у тебя только девять овец, а барана ведь ты зарезал.

— Да, твоя правда: барана я на крестины зарезал. Да ведь он, старый дьявол, сам был у меня на крестинах и ел баранину! Даром, что он мне брат родной, а я завтра как увижу его — сейчас в глаза наплюю.

— А мне что? Даром что он мне отец родной — пойду ему да бороду выдеру; а то ведь сам не спит и людям не дает! Прощай, дядя!

— Прощай с Богом!

А тетка так со смеху и катается. На третий день племянник увидал тетку и говорит:

— Ах, тетка, тетка! Как тебе не стыдно? С тобой, право, пропадешь!

— Эх ты, Ваня, Ваня, какой глупый! Дядя-то с тобой разговаривает, а мне как к тебе выйти? Вот теперь два раза увернулся, смотри в третий раз не дай маху. Ночью приходи к нам

в избу, ведь ты знаешь, где мы спим, да как нащупаешь — так и валяй: у меня жопа будет заворочена.

Только легла тетка спать с мужем, и говорит ему:

— Послушай-ка, что я тебе скажу: что-то мне мочи нету, спала я шесть годов с краю, а теперь ложись ты сюда, а я к стенке.

— Мне все равно! — сказал старик и полез на край.

Полежала-полежала тетка да и вздумала:

— Эх, хозяин, какая в избе-то жара! Посмотри-ка, должно быть, печка закрыта.

А сама хватить его рукой за жопу:

— А ты все в портках! Ах ты — прелые муди! Ты бы спросил хоть у Лукьяна или у Карпа, спят ли они когда в портках со своими женами.

Он послушал ее ума-разума, скинул портки и заснул: жопа заворочена! Только пропели первые петухи, племянник пролез в подворотню, да сейчас в сени; приложил ухо к дверям: в избе тихо, отворил дверь потихоньку, вошел в избу — и ну щупать около постели; нащупал дядину жопу и обрадовался голой

сраке. Вынул свой кляп и наставил дяде в жопу. Как попер, дядя закричал благим матом и ухватил его за х...й. А тетка спрашивает:

— Что ты, что ты, старик?

— Вставай скорей! — закричал дядя на жену, — зажигай лучину: я вора поймал.

Тетка вскочила, побежала будто огонь дуть, да взяла воды и остальной огонь залила.

— Что же ты копаешься?

— Да огня нету!

— Беги к соседу!

— Как я пойду? Теперь дело ночное, волки таскаются.

— Ах, мать твою раз этак! На вот, держи вора, а я сам побегу за огнем-то. Да смотри не упусти.

Покуда дядя отыскал фонарь, отпер ворота, пришел к соседу, разбудил его и рассказал, что случилось, да добыл огня, тетка в это время оставалась с племянником в избе.

— Ну, — говорит, — теперича делай со мною что хочешь!

Вот он положил ее на постель и отработал два раза. Тетка проводила парня и думает: «Что сказать мужу? Как-де вора упустила?»

Спасибо, на ее счастье, не так давно отелилась корова, а теленок был привязан к ихней кровати. Баба хитра, ухватила этого теленка за язык и держит. Воротился муж с огнем и спрашивает:

— Жена, что ты держишь?

— Как дал ты, так и держу!

Мужик так рассердился, схватил нож и отрезал теленку голову.

— Что ты, с ума сошел али взбесился? — закричала на него жена.

Он скинул свои штаны и показывает ей жопу:

— На-ка, посмотри, как он меня лизнул! Коли бы еще раз лизнул — кажись, и жив бы не был бы!

Повстречалась тетка с племянником и говорит:

— А что, Ваня, купишь мне красные башмаки?

— Отчего не купить! Вот завтра в город поеду и куплю.

— Купи, Ваня, я те заслужу.

А Ванька-то был не промах; пошел на огород, выбрал кочан капусты, вырезал вилок, да

В платок завернул и несет тетке.

— Что, Иванушка, купил?

— Купил.

— Дай-ка я попробую.

— Сперва заработай.

Привел ее в сарай, платок с вилком положил ей под голову и давай попирать тетку. Попирает, а капуста в головах скрипит да скрипит. Тетка и говорит:

— Скрипи не скрипи, а быть на ногах!

А парень:

— Съест и в пирогах.

Болтливая жена

Жил-был мужик, и захотелось ему попытаться: можно ли, когда случится, сказать жене тайну или нет? Захотелось ему раз до ветру: он пошел на двор и высрался; воротился в избу, сел на лавку, повесил голову и так тяжело вздыхает, будто что худое сделал! Ста-ла баба его спрашивать:

— Что ты, али захворал? Какой давеча веселый был, а теперича ишь насупился!

— Эх, жена, молчи! — говорит мужик, — сам не знаю, перед добром или худом это со мною случилось!

Баба пристала:

— Скажи да скажи мне, что такое случилось?

— Сейчас ходил я, жена, до ветру; только сел да пёрднул, как у меня из жопы вылетела одна сорока! Вот я и думаю: к чему бы это такое было?

Как услышала баба про сороку, тут же побежала к куме за каким-то делом и давай ей рассказывать:

— Послушай, кума, что с моим мужем-то

вчера случилось: пошел он до ветру, только пёрднул — как у него из жопы вылетели две сороки. К чему бы это такое?

— Не знаю, кумушка!

Потолковали они, потолковали и разошлись. Кума побежала сейчас к своей куме и говорит ей:

— Не слыхала ты, кумушка Арина, что с Иваном-то случилось? Ко мне жена его приходила и сказывала, что пошел он до ветру и только пёрднул раз, как у него из жопы вылетели три сороки!

Кума Арина побежала к соседям и нахвастала, что пошел Иван до ветру, а у него из жопы вылетели четыре сороки. Чем дальше шло, тем больше сорок прибывало; как обошла весть всех деревенских баб, оказалось, что у мужика из жопы вылетело двенадцать сорок, и так пошла на него слава, что и показаться никуда нельзя! Кто ни попадет на глаза, всяк его спрашивает:

— Как это, брат, у тебя из жопы двенадцать сорок вылетело? Расскажи, пожалуйста!

Теща и зять-дурень

Жил-был мужик с бабой, у них была дочь. Нашелся жених, высватал девку и женился на ней. Случилось зятю быть у тещи в гостях на святках. Теща посадила его за стол и начала угощать; поставила перед ним разных закусок, а сама зятя спрашивает:

— Послушай, сынок! У вас нонче какую животину к празднику били?

— Да вишь, мой батюшка перед самым праздником поймал суку в амбаре и так ее прибил, что она уссалась и усралась; насилу сука-то вырвалась, да бежать, а батька за нею вдогонку, нагнал ее у забора, как она лезла в дыру, да по п...де еще раз ударил!

«Ну, нажила себе умного зятя! — думает теща. — Экое словечко сбухал! Больше ничего не спрошу у него».

Чесалка

Купил старик своей старухе тулуп, да под забором всю ночь ее и е...; поутру стала погода мокрая: идет старушонка, сгорбилась, да плачет, а старик вслед за нею да на жену так и скачет. Старуха своему старику говорила: — Не разорви меня, Гаврила! А старик был на ухо крепок, тех речей не расслухал, да ей в чрево свой х...й вбухал и е... ее до усеру. Не насытитися никогда око зрением, а жопа бзде-нием, нос табаком, а п...а хорошим елдаком: сколько ее ни зуди — она все, гадина, недовольна! Это присказка, сказка впереди.

Жил-был поп. У попа была дочка, еще невинная девка. Пришло лето, стал поп нанимать работников косить сено, и нанимает с таким уговором. Если дочь его пересикнет через стог сена, что работник накосит, то и заработной платы ему нет, Много нанималось к нему рабочих, да все работали на попа даром: поповна что ни выйдет, так стог и пересикнет. Вот договорился с попом один удалой работник с тем, что будет он косить попу сено, и коли поповна пересикнет, то вся работа пой-

дет ни за что. Стал работник косить сено; на-
косил и сметал в стог; лег подле стога, вынул
из порток свой х...й и давай его надрачивать.
А дочь попова идет к работнику посмотреть
на работу, глядит на него да и спрашивает:

— Что это ты, мужичок, делаешь?

— Чесалку поглаживаю.

— Что ж ты этою чесалкою чешешь?

— Давай я тебя почешу! Ложись на сено.

Легла попова дочка, он начал ее чесать, да
и промахнул ее как следует. Встала поповна и
говорит:

— Какая славная чесалка!

Потом стала сикать через стог — нет, не бе-
рет; только себя обоссала, словно из решета
вылила!

Приходит к отцу и сказывает:

— Очень велик стог — не смогла пересик-
нуть.

— Ах, дочка! Верно, больно хороший работ-
ник! Я его на год найму.

Как только пришел работник за распла-
той, поп пристал к нему:

— Наймись, свет, на год!

— Хорошо, батюшка!

Нанялся он к попу. А поповна так ему рада! Приходит ночью к батраку и говорит:

— Почеши меня!

— Нет, я даром чесать не буду; принеси сто рублей, купи себе чесалку!

Поповна принесла ему сто рублей, он и начал чесать ее каждую ночь. После того батрак поссорился с попом и говорит ему:

— Рассчитай меня, батька!

Рассчитался и ушел.

А дочери на ту пору дома не было; приходит она домой:

— Где работник?

— Он, — говорит поп, — рассчитался и сейчас ушел на деревню.

— Ах, батюшка! Что вы сделали? Ведь он мою чесалку унес.

И пустилась бежать за ним в погоню; нагоняет его около речки, батрак засучил портки и стал переходить вброд.

— Отдай мою чесалку! — кричит попова дочь.

Батрак поднял камень, бросил в воду.

— Возьми себе! — говорит.

Перешел на ту сторону и был таков! Попов-

на подняла подол, полезла в воду и ну искать чесалку: шарит по дну — нет чесалки. Ехал мимо барин и спросил:

— Что ты, голубушка, ищешь?

— Чесалку; я купила ее у батрака за сто рублей, а он, уходя, унес было, да я погналась за ним, так он и бросил ее в воду.

Барин вылез из брички, скинул с себя штаны и полез искать чесалку. Искали-искали вдвоем. Вот попова дочь увидала, что у барина висит х...й; как схватит его обеими руками; держит, а сама кричит:

— Ах, барин! Стыдно тебе, вить это моя чесалка; отдай назад!

— Что ты делаешь, бесстыдная? Пусти меня! — говорит барин.

— Нет, ты сам бесстыдник! Чужое добро хочешь взять. Отдай мою чесалку! — И потащила барина за х...й к своему отцу.

Поп смотрит в-окно: дочка тащит барина за х...й, да все кричит:

— Отдай, подлец, мою чесалку!

А барин жалобно просит:

— Батька, избавь от напрасной смерти! Век тебя не забуду!

Что делать? Поп вынул из порток свой поповский кляп, показывает дочери в окошко и кричит:

— Дочка, а дочка! Вот твоя чесалка!

— И то моя! — говорит дочь, — ишь с конца-то красная! А и уж думала, что барин ее взял!

Сейчас бросила барина и бегом в избу. Барин наострил лыжи — только пятки показывает. А девка вбежала в избу:

— Где моя чесалка, тятинька?

— Ах ты, сякая-такая! — напустился на нее поп. — Гляди, матка, вить у нее честности-то нет!

— Полно, батька, — сказала попадья, — посмотри сам, да получше.

Поп долой портки, и давай свою дочь ети; как стало попа забирать — он ржет да кричит:

— Нет, нет, не потеряла дочка честности...

Попадья говорит:

— Батька! Засунь ей честность-то подальше.

— Небошь, матка, не выронит; далеча засунул!

А дочь-то еще молоденька, не умеет поднимать ноги круто.

— Круче, дочка, круче! — кричит попадья.

А поп:

— Ах, матка! И так вся в куче!

Так-то и нашла попова дочь чесалку. С тех пор стал поп их обеих чесать, состряпал им по куколке и доселева живет: дочку с матушкой е...т!

Щучья голова

Жили-были мужик да баба, у них была дочь, девка молодая. Пошла она бороновать огород; бороновала, бороновала, только и позвали ее в избу блины есть. Она пошла, а лошадь совсем с бороною оставила в огороде: пущай постоит, пока ворочусь. Только у ихнего соседа был сын — парень глупой. Давно хотелось ему поддеть эту девку, а как — не придумает. Увидал он лошадь с бороною, перелез через изгородь, выпряг и завел ее в свой огород; борону хоть и оставил на старом месте, да оглобли-то просунул сквозь изгороду[128] к себе и запряг опять лошадь-то. Девка пришла и далась диву: что бы это такое — борона на одной стороне забора, а лошадь на другой? И давай бить кнутом свою клячу да приговаривать:

— Какой черт тебя занес! Умела втесаться, умей и вылезать, ну, ну, выноси!

А парень стоит, смотрит да посмеивается.

— Хочешь, — говорит, — помогу, только ты дай мне...

Девка-то была воровата.

— Пожалуй, — говорит.

А у ней на примете была старая щучья голова, на огороде валялась, разинувши пасть. Она подняла ту голову, засунула в рукав и говорит:

— Як тебе не полезу, да и ты сюда-то не лазь, чтобы не увидал кто; а давай-ка лучше сквозь этот тынок[129], скорей просовывай кляп-ат! Я уж тебе наставлю.

Парень вздрочил кляп и просунул его скрозь[130] тын, а девка взяла щучью голову, раззявила ее и насадила на плешь; он как дернет — и ссадил х...й до крови; ухватился за кляп руками и побежал домой, сел в угол и помалкивает. «Ах, мать ее так, — думает про себя, — да как больно-то у нее п...да кусается! Только бы х...й зажил, а то я сроду ни у какой девки просить не стану!»

Вот пришла пора; вздумали женить этого парня. Сосватали его на соседской девке и женили. Живут они день, и другой, и третий, живут и неделю, другую и третью; парень боится дотронуться до жены. Вот надо ехать к теще; поехали. Дорогой молодая-то и говорит мужу:

— Послушай-ка, милый Данилушка! Что же ты женился, дела со мной не имеешь? Коли не можешь, на что было чужой век заедать даром?

А Данило ей:

— Нет, теперь ты меня не обманешь! У тебя п...да кусается. Мой кляп с тех пор долго болел, насилу зажил.

— Врешь, — говорит она, — это я в то время пошутила над тобою, а теперь не бойся! На-ка попробуй хоша[131] дорогою — самому полюбится.

Тут его взяла охота. Заверотил ей подол и сказал:

— Постой, Варюха, дай-ка я тебе ноги привяжу, коди[132] станет кусаться — так я смогу выскочить да уйти.

Отвязал он вожжи и скрутил ей голые ляжки. Струмент у него был порядочный, как надавил он Варюху-то, как она закричит благим матом, а лошадь была молодая, испугалась и начала мыкать сани: то туда, то сюда, вывалила парня, а Варюху так с голыми ляжками и примчала на тещин двор. Теща смотрит в окно, видит: лошадь-то зятева, и поду-

мала, верно, это он говядины к празднику привез, пошла встречать, а то — ее дочка.

— Ах, матушка, — кричит, — развяжи-ка поскорее, покедова[133] никто не видел.

Старуха развязала ее, расспросила что и как:

— А мужик-то где?

— Да лошадь его вывалила!

Вот вошли в избу, смотрят в окно — идет Данилка, подошел к мальчишкам, что в бабки играли, остановился и загляделся. Теща послала за ним старшую дочь. Та приходит:

— Здравствуй, Данила Иваныч!

— Здорово.

— Иди в избу! Только тебя и недостает!

— А Варвара у вас?

— У нас.

— А кровь у нее унялась?

Та плюнула и ушла от него. Теща послала за ним сноху; эта ему угодила:

— Пойдем, пойдем, Данилушка! Уж кровь давно унялась.

Привела она его в избу, а теща встречает и говорит:

— Добро пожаловать, любезный затюшка!

— А Варвара у вас?

У нас.

— А кровь у нее унялась?

— Давно унялась.

Вот он вытащил свой кляп, показывает теще и говорит:

— Вот, матушка! Это шило в ней было!

— Ну, ну, садись, пора обедать.

Сели и стали пить и есть. Как подали яшницу, дураку и захотелось ее одному съесть, вот он и придумал, да и ловко же: вытащил кляп, ударил по плечи ложкою и сказал:

— Вот это шило все в Варюхе было!

Да и начал мешать своею ложкой яшницу. Тут делать нечего, полезли все из-за стола вон, а он приел[134] яшницу один и стал благодарствовать теще за хлеб, за соль.

Мужик, медведь, лиса и слепень [135]

И не знает, что ему делать. Да потом наду-мался мужик, схватил в охапку свою жену и повалил ее на полосу. Она кричит, а мужик говорит: «Молчи!» — да все свое. Задрал ей сарафан и рубаху и поднял ноги кверху как можно выше.

Медведь увидал, что мужик дерет какую-то бабу, и говорит:

— Нет, лиса! Вы со слепнем как хотите, а я ни за что не пойду к мужику!

— Отчего?

— Да оттого — посмотри-ка, вишь он опять кого-то пежит! Вот лиса смотрела, смотрела и говорит:

— И точно, твоя правда: в самом деле он кому-то ноги ломает!

А слепень глядел-глядел и себе тоже говорит:

— Совсем не то — он кому-то соломину в жопу пихает! Всякий, зная, свою беду понимает; ну, однако, слепень лучше всех отгадал.

Медведь с лисой ударились в лес, а мужик
остался цел и невредим.

Кот и лиса

Мужик прогнал из дому блудливого кота в лес. А в этом лесу жила-была лиса. Да такая блядь: все валялась с волками да медведями. Повстречала она кота: разговорились о том, о сем. Лиса и говорит:

— Ты, Котофей Иванович, холост. Я — незамужняя жена! Возьми меня за себя.

Кот согласился. Пошел у них пир и веселье, после пира надо коту по обряду иметь с лисицею грех. Кот влез на лису, не столько е...ет, сколько когтями дерет, а сам еще кричит:

— Мало, мало, мало![136]

— Вот еще какой, — сказала лисица, — ему все мало!..

Лиса и заяц

Пришла весна, разыгралась у зайца кровь. Хоть он силой и плох, да бегать резов, и хватка у него молодецкая. Пошел он по лесу и вздумал зайти к лисе. Подходит к лисицыной избушке, а лиса на ту пору сидела на печке, а детки ее под окошком. Увидала она зайца и приказывает лисиняткам:

— Ну, детки! Коли подойдет косою да станет спрашивать, скажите, что меня дома нету. Ишь его черт несет! Я давно на него, подлеца, сердита, авось теперь как-нибудь его поймаю.

А сама притаилась. Заяц подошел и постучался.

— Кто там? — спрашивают лисинятки.

— Я, — говорит заяц, — здравствуйте, милые лисинятки! Дома ли ваша матка?

— Ее дома нету!

— Жалко! Было еть — да дома нет! — сказал косою и побежал в рощу.

Лиса услышала и говорит:

— Ах он, сукин сын, косою черт! Охаверник [137] эдакий! Погоди же, я ему задам зорю!

Слезла с печи и стала за дверью караулить, не придет ли опять заяц. Глядь — а заяц опять пришел по старому следу и спрашивает лисинят:

— Здравствуйте, лисинятки! Дома ли ваша матка?

— Ее дома нету!

— Жаль, — сказал заяц, — я бы ей напырлял по-своему!

Вдруг лиса как выскочит: «Здравствуй, голубчик!» Заяц уж не до е...ли, со всех ног пустился бежать, ажно дух захватывает, а из жопы орехи сыплются. А лиса за ним: «Нет, косой черт, не уйдешь!» Вот-вот нагонит! Заяц прыгнул и проскочил меж двух берез, которые плотно срослись вместе, и лиса тем же следом хотела проскочить, да и завязла: ни туда, ни сюда! Билась-билась, а вылезти не может. Косой оглянулся, видит: дело хорошее, забежал с заду и ну лису еть, а сам приговаривает: «Вот как по-нашему! Вот как по-нашему!» Отработал ее и побежал на дорогу, а тут недалечко была угольная яма — мужик уголья жег; заяц поскорей к яме, вывалялся весь в пыли да в саже и сделался настоящий чер-

нец[138]. Вышел на дорогу, повесил уши и сидит. Тем временем лиса кое-как выбралась на волю и побежала искать зайца. Увидала его и приняла за монаха.

— Здравствуй, — говорит, — святой отче! Не видал ли ты где косога зайца?

— Которого? Что давеча тебя ё...?

Лиса вспыхнула со стыда и побежала домой: «Ах он, подлец! Уж успел по всем монастырям расславить!» Как лиса ни хитра, а заяц-то ее попробовал.

Вошь и блоха[139]

Повстречала вошь блоху:

— Ты куда?

— Иду ночевать в бабью п...ду.

— Ну, а я залезу к бабе в жопу. И разошлись. На другой день встретились опять.

— Ну что, какво спалось? — спрашивает вошь.

— Уж не говори! Такого страху набралась: пришел ко мне какой-то лысый и стал за мной гоняться, уж я прыгала, прыгала, и туда-то и сюда-то, а он все за мной, да потом как плюнет на меня и ушел!

— Что ж, кумушка! И ко мне двое стучались, да я притаилась; они постучали себе, постучали, да с тем и прочь пошли...

Медведь и баба

Пахала баба в поле; увидал ее медведь и думает себе: «Что я ни разу не боролся с бабами? Сильнее она мужика или нет? Мужиков довольно-таки я поломал, а с бабами не доводилось повозиться». Вот подошел он к бабе и говорит:

— Давай-ка поборемся!

— А если ты, Михайла Иванович, разорвешь у меня что?

— Ну, если разорву, так улей меду принесу.

— Давай бороться.

Медведь ухватил бабу в лапы да как ударит ее обземь — она и ноги кверху задрала, да схватилась за п...ду и говорит ему:

— Что ты наделал? Как теперь мне домой-то показаться, что я мужу-то скажу!

Медведь смотрит: дыра большущая, разорвал! И не знает, что ему делать. Вдруг откуда ни возьмись — бежит мимо заяц.

— Постой, косой! — закричал на него медведь, — поди сюда.

— НО —

Заяц подбежал. Медведь схватил бабу за

края п...ды, натянул их и приказал косому придерживать своими лапками; а сам побежал в лес, надрал лыка целый пук — едва тащит! Хочет зашивать бабе дыру. Принес лыка и бросил оземь; баба испугалась, да как перднет, так заяц аршина на два подскочил вверх:

— Ну, Михайло Иванович! По целому лопнуло!

— Пожалуй, она вся теперь излопается! — сказал медведь и бросился что есть духу бежать; так и ушел.

Воробей и кобыла

У мужика на дворе сидела куча воробьев. Один воробей и начал перед своими товарищами похваляться.

— Полюбила, — говорит, — меня сивая кобыла, часто на меня посматривает. Хотите ли, отделаю ее при всем нашем честном собрании?

— Посмотрим, — говорят товарищи.

Вот воробей подлетел к кобыле и говорит:

— Здравствуй, милая кобылушка!

— Здравствуй, певец! Какую нужду имеешь?

— А такую нужду — хочу попросить у тебя....

Кобыла говорит:

— Это дело хорошее, по нашему деревенскому обычаю, когда парень начинает любить девушку, он в ту пору покупает ей гостинцы: орехи и пряники. А ты меня чем дарить будешь?

— Скажи только чего хочешь.

— А вот: натаскай-ка мне по одному зерну четверик овса, тогда и любовь у нас начнется.

Воробей стал изо всех сил хлопотать, долго трудился и натаскал-таки наконец целый четверик овса. Прилетел и говорит:

— Ну, милая кобылушка! Овес готов!

А у самого сердце не терпит — и рад, и до смерти боится.

— Хорошо, — отвечала кобыла, — откладывать дела нечего, истома пуще смерти, да и мне век честною не проходить, по крайней мере от молодца потерпеть не стыдно! Приноси овес да созывай своих товарищей — будь молодцу не укора! А сам садися на мой хвост, подле самой жопы, да дожидайся, пока я хвост подыму.

Стала кобыла кушать овес, а воробей сидит на хвосте. Товарищи его смотрят, что такое будет. Кобыла ела, ела, да и запердела, подняла хвост, а воробей вдруг и впорхнул в зад.

Кобыла прижала его хвостом, тут ему плохо пришлось, хоть помирай! Вот она ела, ела, да как забздеда, воробей оттуда и выскочил, и стал он похваляться перед товарищами:

— Вот как! Небось от нашего брата и кобы-

ла не стерпела, ажно забздела.

Собака и дятел[140]

Стала баба ловить дятла и поймала-таки и посадила под решето. Приехал домой мужик, хозяйка его встречает.

— Ну, жена, — говорит он, — со мной на дороге несчастье случилось.

— Ну, муж, — говорит она, — и со мною несчастье!

Рассказали друг дружке все как было.

— Где ж теперича дятел улетел? — спросил мужик.

— Я его поймала и под решето посадила.

— Хорошо же, я с ним разделаюсь! Съем его живого.

Открыл решето, и только хотел взять дятла в зубы — он порхнул ему прямо в рот живой и проскочил головою в жопу; высунул из мужиковой жопы голову, закричал: «Жив, жив!» — и спрятался, потом опять высунет голову, опять закричит; не дает мужику покою. Видит мужик, что беда, и говорит хозяйке:

— Возьми-ка полено, а я стану раком; как только дятел высунет голову, ты его хоро-

шенько и огрей поленом-то!

Стал раком, жена взяла полено, и только дятел высунул голову — махнула поленом, в дятла-то не попала, а мужику жопу отшибла. Что делать мужику, никак не выживет из себя дятла, все просунет голову из жопы да и кричит: «Жив, жив!»

— Возьми-ка, — говорит он жене, — острую косу, а я опять стану раком, и как только высунет дятел голову — ты и отмахни ее косою.

Взяла жена острую косу, а мужик стал раком; только высунула птица голову, хозяйка ударила косою, головы дятлу не отрезала, а жопу мужику отхватила. Дятел улетел, а мужик весь кровью изошел и помер.

Волк

Жил мужик, у него была свинья, и привела [141] она двенадцать поросят; запер он ее в хлеве, а хлев был сплетен из хворосту. Вот на другой день пошел мужик посмотреть поросят, сосчитал — одного нету. На третий день опять одного нету. Кто ворует поросят? Вот и пошел старик ночевать в хлев, сел и дожидается, что будет. Прибежал из лесу волк, да прямо к хлеву, повернулся к двери жопою, натиснул [142] и просунул в дыру свой хвост, и ну хвостом-то шаркать по хлеву.

Почуяли поросята шорох и пошли от свиньи к дверям нюхать около хвоста. Тут волк вытащил хвост, повернулся передом, просунул свою морду, схватил поросенка и драла в лес. Дождался мужик другого вечера, пошел опять в хлев и уселся возле самых дверей. Стало темно, прибежал волк и только засунул свой хвост и начал шаркать им по сторонам, мужик как схватил обеими руками за волчий хвост, уперся в дверь ногами и во весь голос закричал: тю-тю-тю. Волк рвался, рвался, и зачал срать, и потуда жилился [143], пока хвост

оторвал. Бежит, а сам кровью дрищет; шагов двадцать отбежал, упал и издох. Мужик снял с него кожу и продал на торгу.

Горячий кляп

Был-жил мужик, у него была дочь. Говорит она отцу:

— Батюшка, Ванька просил у меня пое...ать.

— Э, дурная! Зачем давать чужому, мы и сами пое...ем!

Взял гвоздь, разжег в печи и прямо ей в п...ду и вляпал, так что она три месяца ссать не могла! А Ванька повстречал эту девку да опять начал просить: дай-де мне поеть. Она и говорит:

— Бреешь, черт Ванька! Меня батюшка поё..., так п...ду обжег, что я три месяца не ссала!

— Не бойсь, дура! У меня холодный кляп.

— Врешь, черт Ванька, дай-ка я пощупаю.

— На, пощупай.

Она взяла его за х...й рукою и закричала:

— Ах ты, черт эдакой! Вишь теплый; мажай в воду! Ванька стал макать в воду, да с натуги и забздел. А она:

— Ишь зашипел! Ведь сказывала, что горяч, так еще обмануть, вор[144], хочешь!

Так и не дала Ваньке.

П...да и жопа

В одно время поспорили меж собой п...да и жопа, и такой подняли шум, что святых выноси! П...да говорит жопе:

— Ты бы, мерзавка, лучше молчала! Ты знаешь, что ко мне каждую ночь ходит хороший гость, а в ту пору ты только бздишь да коптишь.

— Ах ты, подлая п...дюга! — говорит ей жопа. — Когда тебя е...ут, по мне слюни текут — я ведь молчу!

Все это давно было, еще в то время, когда ножей не знали, х...ем говядину рубили.

Мой жопу

Жили муж и жена. Вот бывало, как подает жена мужу обедать, он и начнет ее колотить, а сам еще и приговаривает: — Мой жопу! Мой жопу!

Вот она и начнет мыть жопу: трет ее и песком, и рогожею так, что кровь пойдет — а только что подаст мужу обедать, он начнет ее колотить и опять приговаривает:

— Мой жопу! Мой жопу!

Вот она и говорит своей тетке:

— Что это, тетушка, когда я подаю мужу обедать, он всегда меня бьет и приговаривает: «Мой жопу! Мой жопу!» Кажись, я и так мою, даже до крови растираю!

— Эх, ты дура, дура! Ты мой-то жопу, да не свою, а у чашки.

Как стала мыть жопу у чашки, так и перестал ее бить муж.

Каков я!

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик, такой плутоватый, что Боже упаси! Стибрил где-то сотню рублей и убежал из своей деревни. Шел-шел и выпросился переночевать у попа.

— Ступай, — говорит поп, — ты у нас места не пролежишь!

Пришел мужик, разделся, лег на лавке. Вздумалось ему пересчитать деньги, вынул и давай считать. Поп увидал, что мужик считает деньги, — а на это они чутки! — и думает: «Ишь, ходит оборванцем, а денег какая пропасть! Дай-ка напою его пьяным да и оберу!»

Вот поп немного погодя подошел к мужику и говорит:

— Пойдем, свет, с нами ужинать.

Мужик обрадовался:

— Спасибо, батюшка!

Сели ужинать, поп поставил вино и давай его наливать: так потчует, просто отдыха не дает! Мужик напился пьян и свалился на пол; поп сейчас вытащил у него из кармана деньги и припрятал к себе, а мужика уложил на

лавку. Наутро проспался мужик, глядь — а в кармане пусто. Смекнул, в чем дело, — да что возьмешь. Коли просить на попу, так станут спрашивать: откуда деньги взял и сам отколь пришел — еще беды наживешь! Так мужик и ушел, таскался кое-где месяц, и другой, и третий, а там и думает себе: «Чай, поп теперь меня позабыл; оденусь-ка так, чтобы не признал меня, да пойду к нему за старое отплатить». Пришел к попу в избу, а попа на ту пору дома не случилось, одна попадья сидела.

— Пусти, матушка, передневать к себе!

— Пожалуй, иди!

Он пошел в избу и уселся на лавке.

— Как тебя зовут, свет? Откуда идешь?

— Какофием, матушка, иду издалеча на богомолье.

На столе у попа лежала книга. Вот мужик взял, переворачивает листы да губами бормочет, будто читает, а потом как заплачет. Попадья и спрашивает:

— О чем, свет, плачешь?

— Как мне не плакать! В святом-то писании писано, что кому за какие грехи будет, а мы, грешные, столько творим Нечестивого,

что не ведаю, матушка, как еще Бог грехам-то терпит.

— А ты, свет, научен грамоте?

— Как же, матушка, насчет этого дела я не обижен от Бога!

— А петь по-дьячковски умеешь?

— Умею, матушка, умею: с малых лет учился, весь церковный устав знаю.

— А у нас, свет, дьячка нету, уехал отца хоронить; не поможешь ли батьке завтра обедню отслужить?

— Хорошо, матушка! Отчего не помочь.

Приехал поп, попадья ему все рассказала. Поп тому и рад, угостил мужика как можно лучше. Наутро пришел с мужиком в церковь и начал служить обедню. Только мужик стоит на клиросе и молчит себе. Поп закричал на него:

— Что же ты стоишь молча, не поешь?

А мужик ему:

— Пожалуй, я и сяду, коли стоять не де-
лишь.

Сел на жопу. Поп опять кричит:

— Что же ты сидишь, а не поешь?

— Пожалуй, я и лягу.

И развалился на полу. Поп подошел и вытурил его из церкви, а сам остался обедню доканчивать. Мужик пришел к попу на двор. Попадья спрашивает:

— Что, отслужили обедню?

— Отслужили, матушка.

— А где же батька?

— Он в церкви остался — надо хоронить покойника. А меня послал к тебе взять новый тулуп, сукном крытый, да бобровую шапку: идти далеко, дак он хочет потеплей одеться!

Попадья пошла за тулупом и шапкою. А мужик зашел за избу, снял свою шапку, настрал полную и положил ее на лавку, а сам взял поповский тулуп с бобровою шапкою и удрал. Поп отслужил обедню и приходит домой. Попадья увидала, что он в старом тулупе, и спрашивает:

— Где же новый тулуп-то?

— Какой?

Ну, тут рассказали друг другу про мужика и узнали, что мужик-то их обманул. Поп сторяча схватил шапку, что с говном лежала, надел на голову и побежал по деревне искать мужика, а говно из шапки так и плывет по

роже, весь обгадился. Подбежал к одной избе и спрашивает хозяина:

— Не видал ли Какофья?

— Вижу, батюшка, каков ты. Хорош.

Кого ни спросит — все ему одно отвечают.

«Какие дураки, — говорит поп, — им одно толкуешь, а они тебе другое!» Бегал, бегал, всю деревню обегал, а толку не добился. «Ну, — думает, — что с воза упало, то пропало». Воротился домой, снял шапку, а попадья как посмотрела на него, сейчас завопила:

— Ах, батька, ведь у тебя оспа на голове выходит!

— Что ты врешь! — сказал поп. Пощупал свою голову и всю руку в говне вымазал. Тем сказка и кончилась.

Раззадоренная барыня

В некотором царстве, в некотором государстве жил богатый мужик. У него был сын по имени Иван.

— Что ты, сынок, ничем не займешься? — говорит ему отец.

— Еще успею! Дай-ка мне сто рублей денег да благослови на промысел.

Дал ему отец сто рублей денег. Пошел Иван в город; идет мимо господского дома и увидал в саду барыню: очень из себя хороша! Остановился и смотрит сквозь решетку.

— Что ты, молодец, стоишь? — спросила барыня.

— На тебя, барыня, засмотрелся: уж больно ты хороша! Коли б ты мне показала свои ноги по щиколотки, отдал бы тебе сто рублей!

— Отчего не показать! На смотри! — сказала барыня и приподняла свое платье. Отдал он ей сто рублей и воротился домой.

— Ну, сынок! — спрашивает отец. — Каким товаром занялся? Что сделал на сто рублей?

— Купил место да лесу для лавки: дай еще двести рублей — надо заплатить плотникам

за работу.

Отец дал ему денег, а сын опять пришел и стоит у того же сада. Барыня увидела и спрашивает:

— Зачем, молодец, опять пришел?

— Пусти меня, барыня, в сад, да покажи свои коленки, отдам тебе двести рублей.

Она пустила его в сад, приподняла подол и показала свои коленки. Парень ей отдал деньги, поклонился и воротился домой.

— Что, сынок, устроился?

— Устроился, батюшка; дай мне триста рублей, я товару накуплю.

Отец дал ему триста рублей, а сын сейчас отправился к барынину саду, стоит и глядит сквозь решетку. А отец думает: «Дай-ка схожу, посмотрю на его торговлю». Пошел за ним следом и посматривает.

— Зачем, молодец, опять пришел? — спросила барыня.

Парень отвечал ей:

— Не во гневе тебе, барыня, сказать: позволь поводить мне х...ем по твоей п...де, я за то дам тебе триста рублей.

— Пожалуй!

Пустила его в сад, взяла деньги и легла на траву; а парень скинул портки и стал ее х...ем тихонько по губам поваживать и так раззадорил, что барыня сама просит:

— Ткни в срединку! Пожалуйста, ткни! А парень не хочет:

— Я просил только по губам поводить.

— Я отдам тебе назад все твои деньги, — говорит барыня.

— Не надо! — а сам все знай поваживает по губам-то.

— Я у тебя шестьсот взяла, а отдам тысячу двести, только ткни в срединку!

Отец глядел-глядел и закричал из-за решетки:

— Бери, сынок! Копейка на копейку — хороший барыш!

Барыня услышала, да как вырвется и убежала. Остался парень без копейки и заругался на отца:

— Кто просил тебя кричать-то, старый хрен?!

Примечания

Настоящая статья опубликована в качестве предисловия в репринтном издании «Сказок», вышедшем на Западе в 70-х годах.

[^^^]

2

Позор тому, кто дурно об этом подумает. (Девиз английского ордена Подвязки)

[^^^]

стыдливости (франц.)

[^^^]

4

фарсов, сатир, моралей, поговорок (франц.)

[^^^]

шутки (франц.)

[^^^]

6

насмешливые песни и народные сказания
(нем.)

[^^^]

Автор имеет в виду вольную типографию «монашествующей братии» острова Валаам, обитатели которого славились своей смелостью и независимостью, где и была отпечатана настоящая книга.

[^^^]

Псевдоним А.Н.Афанасьева.

[^^^]

Взойду — войду

[^^^]

еть — «иметь»

[^^^]

колодезь — колодец

[^^^]

Подобная сказка есть у Боккаччо. (Авт.)

[^^^]

зачал — начал

[^^^]

В поволочку — больно

[^^^]

Макарьевскую ярмарку — иронично, «макарами» звали плутов и пройдох

[^^^]

задача — прибыль, успех

[^^^]

ворочается — возвращается

[^^^]

Оригинал сказки опубликован на украинском языке. (Сост.)

[^^^]

жинка — жена

[^^^]

молодица — молодая женщина

[^^^]

парубку — парню

[^^^]

гарна — хороша

[^^^]

дружку — свата

[^^^]

созвали поезд — им. в виду «свадебный поезд», т. е. специальный обоз, сопровождавший жениха и невесту во время свадьбы.

[^^^]

торбочку — мешок, суму

[^^^]

и на людей огонь кидает — речь идет о кадиле, которым машет поп, верша службу

[^^^]

туточки — здесь

[^^^]

гирлыгу — овчарскую палку

[^^^]

галушки — украинское блюдо

[^^^]

не сдюжу — не смогу

[^^^]

жнитво пришло — пришла пора убирать урожай

[^^^]

показались (ей очень) — понравились

[^^^]

пришло хоть до слез — стало невмоготу, хоть
плачь

[^^^]

завет положен — дал себе слово

[^^^]

сходились на вечерницы — собирались на по-
сиделки

[^^^]

хошь теперя — хотя теперь

[^^^]

ПОЛЬЗОВАТОЕ — ПОЛЕЗНОЕ

[^^^]

В наст. издании публикуется один из вариантов сказки. (Сост.)

[^^^]

только на разуме и держит — держит на уме,
только себе и думает

[^^^]

окромя — кроме

[^^^]

нужды (вам нет до этого) — дела

[^^^]

42

(меньше) перста — пальца

[^^^]

где же (ты его дел) — куда же

[^^^]

не на что подняться — в зн. поднять хозяйство, построить семью

[^^^]

НА ЛОКОТОК — ДО ЛОКТЯ

[^^^]

ВИТЬ — ВЕДЬ

[^^^]

потрафил (кобыле под хвост) — попал

[^^^]

засматривала — заглядывала

[^^^]

целковый — рубль

[^^^]

теперича денег не случилось — сейчас денег

[^^^]

нет парить — пороть, бить

[^^^]

задали (в спину) — ударили

[^^^]

(на)поседки — посиделки

[^^^]

на казенке — на печи

[^^^]

ДОНЬКУ — ДОЧКУ

[^^^]

онучей — обмоткой, портянкой

[^^^]

Публикуется один из вариантов сказки.
(Сост.)

[^^^]

заглазного купца кнутом дерут — сравни у Даля: «Заглазного купца кнутом бей, т. е. покупателя за глаза».

[^^^]

отгрызли — загрызли

[^^^]

рятуй — спасай

[^^^]

струмент — инструмент

[^^^]

(Вот одну девку отец) приневолил — заставил

[^^^]

(лапти) заковыривать — плести

[^^^]

курить — варить

[^^^]

(до) руды — крови

[^^^]

(не)укупишь — купишь

[^^^]

Публикуется один из вариантов сказки.
(Сост.)

[^^^]

сделался — сговорился

[^^^]

орать — пахать

[^^^]

рдится — краснеет

[^^^]

тады — тогда

[^^^]

СКОЛОТИТЬ — ВЗБИТЬ

[^^^]

(рубахи) все за водою и ушли — уплыли по течению

[^^^]

(масло) спахтано — взбито

[^^^]

Записано в Московском уезде. (Авт.)

[^^^]

решетить — одаривать молодых дарами

[^^^]

размычь горе — непутевый

[^^^]

урезал — вышил

[^^^]

(на) заработку — заработки

[^^^]

кирасир — в русск. армии тяжело вооруженный всадник

[^^^]

(лошадь) сплечилась — вывихнула переднюю
ногу

[^^^]

(села в телеге на) грядку — боковую жердь кузова
зова

[^^^]

рядно — полотно

[^^^]

карбованец — десять золотых рублей

[^^^]

(два) лесовика — (двое) леших

[^^^]

Существуют различные варианты этой сказки.(Сост.)

[^^^]

прожились — разорились

[^^^]

хватюга — хват, пройдоха

[^^^]

Существует вариант сказки. (Сост.)

[^^^]

(цыган лег) на шестке, головой в золу — перед
печью

[^^^]

(приходи) на ту ночь — следующую ночь

[^^^]

по-соромски — матерно

[^^^]

вздул (огонь) — разжег

[^^^]

потачку давать — потакать

[^^^]

Существует несколько вариантов сказки.
(Сост.)

[^^^]

долгогривого колухана обтяпаю — обману по-
па

[^^^]

скричи — крикни

[^^^]

серед — посреди

[^^^]

Сказка существует в двух вариантах. (Сост.)

[^^^]

(дошло до дележа с) причтом — церковным владением

[^^^]

отказанные — завещанные

[^^^]

(пожаловал его) благочинным — священником, которому поручено благочиние, т. е. округ, несколько церквей, причтов и приходов

[^^^]

зачнет страмить — начнет стыдить

[^^^]

НОСИТЬ — ШЛЯТЬСЯ

[^^^]

Записана в Вологодской губернии. (Авт.)

[^^^]

казак — батрак

[^^^]

ЛИПОВКИ — ЛАПТИ

[^^^]

Оригинал сказки опубликован на украинском языке. (Сост.)

[^^^]

(не мене) робыв — делал

[^^^]

(свою душу) солодыв — услаждал

[^^^]

легкой ему опочывок — в значении: земля
ему пухом

[^^^]

просвятится — попадет в рай

[^^^]

трошки — немного

[^^^]

(лошадьми) менять — торговать

[^^^]

тож мене и треба — мне того и надо

[^^^]

Нема — нет

[^^^]

(с тех пор) полно спрашивать — перестал просить

[^^^]

(Πο) στυ — στο

[^^^]

строится — делается

[^^^]

ПИТИ — ПИТЬ

[^^^]

по под — по берегу

[^^^]

(на) лубочку — дощечке

[^^^]

секель — женский половой орган

[^^^]

гунит — скажет

[^^^]

пята — пятая

[^^^]

гашник — ремень, шнурок для завязки шаро-
вар

[^^^]

кострика — сорная трава

[^^^]

изгороду — изгородь

[^^^]

ТЫНОК — ТЫН, забор

[^^^]

скрозь— сквозь

[^^^]

ХОША — ХОЧЕШЬ

[^^^]

КОДИ — КОЛИ

[^^^]

покедова — покуда

[^^^]

приел — съел

[^^^]

Начало сказки в «Заветных сказках» не приводится, однако оно включено в классический сборник А.Н. Афанасьева

[^^^]

Мало, мало, мало! — так у А.Н. Афанасьева, возможно, опечатка и следует читать: «Мяу, мяу, мяу!»

[^^^]

охаверник — похабник

[^^^]

чернец — монах

[^^^]

Эта сказка записана в Воронежской губернии.
(Авт.)

[^^^]

Начало сказки также известно по классическому сборнику А.Н. Афанасьева

[^^^]

привела — родила

[^^^]

натиснул — напрягся, натужился

[^^^]

жилился — тужился

[^^^]

вор — мошенник

[^^^]